

Светлана Чистова

ПАНОПТИКУМ

Светлана Чистова

Паноптикум

«ИП Астапов»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Чистова С.

Паноптикум / С. Чистова — «ИП Астапов», 2019

ISBN 978-5-907051-64-5

Иногда судьба предлагает человеку такие обстоятельства, которые требуют от него трудного выбора. Он должен его совершить, и только собственное решение сделает его нравственный портрет ярче или, наоборот, тусклее. Перед вами, уважаемый читатель, город Стеклов и некоторые его жители, каждый из которых в силу своих убеждений и поступков предстал перед вами в образе героя или антигероя. Но не стоит забывать, что только карикатурные образы тащат на себе все возможные человеческие пороки, а в жизни все устроено сложнее. Автор с надеждой смотрит на своих героев и полагает, что за пределами истории, рассказанной в романе, многие из них способны будут совершить независимый от обстоятельств выбор.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-907051-64-5

© Чистова С., 2019

© ИП Астапов, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Чистова

Паноптикум

*Зло надо лечить, как худого пса, – палками.
Изречение, приписываемое М.В. Ломоносову*

Глава первая

Дежурный по городу

Утром 7 ноября 201.. -го года мэр города Стеклова Алексей Никодимович Лытгарь проснулся рано, как всегда, но одеяло скинул с себя неохотно. На то были свои причины. Он лежал и думал, что с удовольствием потратил бы время до обеда, гоняя с ветерком на катере по озеру и нагуливая здоровый аппетит. Его товарищ, Костя Игнатенко, бывший у него сначала на мелкой исполнительской работе, а затем за усердие назначенный начальником комиссии по борьбе с коррупцией, отлично готовил уху и барбекю на костре. Костя и сейчас что-то такое затевал в саду, напевая вполголоса кубанскую песню, и Алексей Никодимович, потянув носом, уловил сладковатый запах загоравшихся сосновых чурок. От этого запаха настроение его окончательно упало. День начинался хорошо, но провести его удачно не было никакой возможности. В городе его ждали скучные дела.

Он принял душ и нехотя стал одеваться. Ни одна путная мысль не приходила на ум, – все, что обдумывал он сейчас, вертелось вокруг одного незначительного и надоедливового вопроса, от решения которого, в общем-то, ничего не зависело. Это-то и раздражало Алексея Никодимовича все больше. Сегодня планировалось провести в Доме ветеранов торжественное собрание, на котором он должен был присутствовать в качестве почетного члена президиума. Он уже представлял себе, как битых два часа будет сидеть в душном конференц-зале, часто вставать, чтобы лично поздравлять ветеранов, слушать бесконечную череду поздравлений, в том числе и стихотворных, которых он терпеть не мог, и при всем этом еще и контролировать себя, чтобы ненароком не зевнуть. Представив себе все это, Алексей Никодимович в сердцах плюнул на мраморную столешницу итальянского умывального столика, но затем все же смыл плевок, поскольку свою ванную комнату, начиненную дорогой сантехникой и отделанную в венецианском стиле, он обожал.

Он вообще любил свой загородный дом, который построил пять лет назад в медвежьем углу, на отшибе убогой даже по местным меркам деревеньки, в которой к моменту его появления оставалось с десяток стариков да несколько горьких пропойц неопределенного возраста. Впервые приехав сюда, в эту живописную озерную глушь, Алексей Никодимович ахнул: это место словно нарочно дожидалось его, и вековые сосны на берегу молчаливого озера в покорном приветствии зашумели верхушками пышных крон, будто бы одобряя его выбор. Строительство дома велось не в спешке, но быстро. Алексей Никодимович усмехнулся, вспомнив одну курьезную историю, связанную со строительством. Дело было в том, что некий полковник из структур госбезопасности тоже в то время приглядывал себе домик в тихом месте и совершенно случайно узнал, что мэр города уже в этом вопросе определился. Полковник со своей свитой тут же примчался на озеро и, увидев, какое прекрасное место уже занял смышленный градоначальник, в сердцах ругался так долго и забористо, что начальство стройки попряталось кто куда, и даже рабочие-узбеки от греха подальше забрались в свои каморки и долго не выходили оттуда. Только вечером узбеки вылезли на свет божий. В тот же день прораб доложил Алексею Никодимовичу об этом визите. Спокойно выслушав по мобильнику вопли трусливого

начальника строительства, Алексей Никодимович принял единственно правильное решение, и через месяц гневный полковник уже называл его соседом.

Полковник оказался мировым парнем, и часто они вдвоем, где-нибудь на лесной заимке у костра или просто на берегу озера, со смехом вспоминали эту историю. Алексей Никодимович вообще огромное значение придавал искренней мужской дружбе. Ни одного служебного или личного вопроса в своей жизни он не решил путем спора или грубого нажима, к которому частенько прибегали некоторые из его подчиненных. С такими людьми он расставался без сожаления и угрызений совести, искренне негодуя в душе от осознания административной бездарности этих выскочек, которых он когда-то имел неосторожность приблизить к себе. Любое, даже самое запутанное и сложное дело, можно уладить миром, не прибегая к шумным разбирательствам, – эту истину он усвоил еще на заре своей административной карьеры. Начинать он на Кубани, но там, в многонациональном степном крае, сложились такие прочные клановые связи, что подняться хотя бы на ступеньку вверх по служебной лестнице можно было только спустя долгие годы безупречной и полной подводных камней службы. А Алексей Никодимович еще в молодости вполне осознал свои силы и желал плодотворно работать, не оглядываясь на сложившиеся традиции и старые взгляды. И он принял решение – уехать из южного края на север и обосноваться не вдалеке от Москвы, в тихой провинции, где можно действовать самостоятельно и стать независимым лидером. Никогда впоследствии он не раскаивался в своем решении.

Вспомнив молодость и удачу, Алексей Никодимович впервые за это утро позволил себе улыбнуться. Он бодро спустился вниз, в гостиную, где на столе дожидался его завтрак, приготовленный супругой. Но завтракать так рано он не стал, решив перекусить уже на работе. Он вышел во двор, довольно осмотрел с крыльца свои обширные владения и направился к новенькому «лексусу» последней модели, у которого деловито расхаживал его шофер Павел.

– Доброе утро, Алексей Никодимович. В город поедет? – поинтересовался Павел предусмотрительно. За те полгода, что он проработал у Алексея Никодимовича, он успел досконально изучить привычки шефа и поэтому знал, что тот не любит первым сообщать о своих планах.

– Да, сразу в администрацию. И не шибко гони, мне по дороге нужно с мыслями собраться.

Павел понимающе кивнул. Забравшись в салон, Алексей Никодимович решил на полчаса, которые отделяли его от работы, забыть о предстоящей торжественной скуке. Внедорожник плавно выехал с деревенских ухаб на шоссе (Алексей Никодимович специально не стал приводить в порядок деревенскую дорогу, чтобы автомобилисты не часто заезжали сюда по делу и без дела), и мэр погрузился в свои думы, временами поглядывая на сельский пейзаж за окном. Машина хорошо шла, не встречая никаких помех, и хотя накануне в районе прошел сильный снегопад, эта дорога была, как всегда, хорошо почищена.

Уже в своем служебном кабинете, обставленном без всякой помпезности и шика и даже с некоторой суховатостью, действовавшей на всякого посетителя в благотворном ключе и сразу настраивавшей на деловой лад любого, кто заходил в эти неброские апартаменты, Алексей Никодимович вызвал к себе редактора районной газеты и директора муниципальной телекомпании.

– Надо будет в широком формате осветить сегодняшнее торжественное мероприятие, но без излишних песнопений. И объясните наконец своему умнику оператору, Татьяна Викторовна, что в кадре должен быть не я один, а еще и зал с ветеранами, – начал он в несколько раздраженном тоне объяснять директору телекомпании задачу предстоящего эфира. – Вас, Игорь Семенович, я также попрошу осветить это мероприятие без излишнего официоза. И не забывайте, что вам скоро предстоит сделать очень важную работу – осветить в газете предстоящее празднование Дня освобождения. Можете подготовить несколько очерков о ветеранах, воевав-

ших в наших местах. Не забудьте как можно полнее осветить тему сегодняшней заботы общества о ветеранах. Только поручите эту полосу толковому сотруднику, а не этому своему болвану Шитову, который в падежах путается.

Редактор районной газеты «Знамя труда» Игорь Семенович Буденич в ответ только как-то горестно кивнул. Он отлично знал и без нравоучений Алексея Никодимовича, что «болван» Андрей Шитов с этой темой не справится, но тем более не справится с ней и сам Игорь Семенович, потому что ветеранов, освобождавших Стеклов в Великую Отечественную войну, в районе не осталось, а высасывать тему из пальца Игорь Семенович не любил. Надо было, как всегда, находить выход из положения. «Почему всегда я за весь этот бардак должен отдуваться?» – раздраженно думал он, не слушая уже ценных указаний мэра. И всегда-то он, Игорь Семенович, должен думать за всех этих умников из администрации, как не ударить в грязь лицом. А ведь когда-то он был полон творческих планов и надежд и жаждал работать. Куда же все это ушло? Некоторые его однокурсники сделали отличную карьеру в Москве. Многие пишут, хотя и на заказ, но то, что хотят, не оглядываясь ни на каких алексеев Никодимовичей. Как же надоела Игорю Семеновичу алчная и недалекая свора мэра, с ее непомерными аппетитами, с провинциальной ленью, с тупым скотским равнодушием ко всему, что не касается лично ее! Игорь Семенович с ненавистью подумал, что он, человек с университетским образованием, либерал и умница, вынужден, как свинной приплод на ферме, есть из того же корыта, что и вся эта районная номенклатурная сволочь. Он обдумывал все это и не заметил, как мэр, закончив читать свои нотации, взглянул на него с усмешкой.

– Игорь Семенович, проснитесь наконец! – рявкнул Алексей Никодимович, не выдержав длинной паузы.

Игорь Семенович, услышав начальственный рык, сразу вышел из оцепенения. Уже выходя из кабинета, он в дверях заверил Алексея Никодимовича, что все будет сделано, как всегда, четко и в творческом ключе. На службу в редакцию он уехал в прескверном настроении.

На столе в редакционном кабинете уже лежали первые пять полос, принесенных ответственным секретарем на подпись. По пути к себе Игорь Семенович, как обычно, заглянул во все кабинеты редакции, чтобы поздороваться с сотрудниками и узнать, как идут дела. Заглянув в кабинет, занимаемый верстальщиками и корректором, он с некоторым неприятным чувством отметил, что корректор, дама средних лет, сначала как-то двусмысленно хихикнула, а затем отвернулась к окну, чтобы скрыть от него невольную улыбку. Игорь Семенович нахмурился. Тут явно без него что-то произошло. Он решил со стороны понаблюдать за ней, но Светлана Викторовна, почувствовав его взгляд, тут же уткнулась в какую-то статью на столе и стала водить по ней карандашом, изображая глубокую сосредоточенность.

Вот какова же ведьма! Игорь Семенович знал, что не все, что пишется в редакции, доходит до его стола, – Светлана Викторовна сама выбраковывает особо яркие опусы некоторых сотрудников, щадя и свое время тоже. Он и не задавал никогда лишних вопросов ей, зная наперед, что та ему может ответить.

Уже через пять минут Игорь Семенович понял, что ввергло всегда ровного и даже несколько скучного корректора в такое веселое состояние. Прочитав передовицу и добравшись до второй полосы, Игорь Семенович сначала побагровел, а затем вылетел из кабинета и приказал перепуганной секретарше поскорей отыскать ему Шитова.

– Так он же на задании, Игорь Семенович, – пролепетала Женя, хорошенькая девчушка лет восемнадцати.

– Плевать мне на это! Звони ему на сотовый, пусть немедленно едет в редакцию, и чтобы через полчаса был здесь! – выпалив все это, Игорь Семенович гневно хлопнул дверью своего кабинета и в сильнейшем волнении стал ходить из угла в угол, сжимая кулаки от ярости.

Через пятнадцать минут у его двери уже топтался несчастный Шитов, никак не решаясь войти к шефу. Дело ускорила Женя, сообщив Игорю Семеновичу по телефону, что Андрей

уже приехал. Шитов с плохо скрываемой ненавистью посмотрел на нее, но ничего не сказал этой дурехе, которой не было никакого дела до его неприятностей.

Войдя в кабинет, Андрей увидел, что дело приняло для него самый прескверный оборот, – шеф сидел в своем удобном кожаном кресле и красной ручкой рисовал чертиков на полях второй полосы.

– Ничего не хотите мне сказать, Андрей Васильевич? – спросил он Шитова преувеличенно вежливо. Видя, как растерянная глуповатая улыбка блуждает по лицу этого очкастого увальня, Игорь Семенович левой рукой придвинул к краю стола полосу и ткнул указательным пальцем в статью под названием «Полный вперед». – Читайте, Андрей Васильевич, свое произведение, только про себя, а я потом спрошу у вас, можно ли было нести это редактору.

Шитов, преувеличенно быстро шевеля толстыми губами, начал читать:

«С каждым днем хорошеет и богатеет наш город. Во всем чувствуется забота, твердая рука и уверенная поступь.

Замолкли фонтаны. Но до чего же они хороши и без воды! Будущая аллея фонтанов-родников привольно раскинулась у центра «Стекольный»: в каменной кладке, газонном грунте, неповторимой парковой атмосфере. Восстанавливается старый фонтан на ул. Гагарина. Ловкие рабочие в синих комбинезонах, несмотря на промозглый осенний ветер и холодный снег, самоотверженно реставрируют чашу фонтана, вырубаят закрывающий виды корявый кустарник, мостят красной плиткой лучи пешеходных дорожек.

Продолжается укладка мостовой плитки и у мемориала Славы. Лежавший здесь многие годы асфальт выглядел неэстетично, и не удивительно, что новые времена благоустройства смели его под самый корень. Хорошим дополнением этому стала и металлическая ограда – ажурная, массивная, способная надежно защитить шоссе у Вечного огня от паркингов длинных свадебных кортежей.

Радует глаз и на свежесть новых домов-новостроек. Подведенные под крыши, они терпеливо ждут своего часа сдачи госкомиссиям – на улицах Чайковского, 60 лет Комсомола, Гайдара, на Волоколамском шоссе. А вдогонку им уже спешат другие новостройки – столь же долгожданные и многообещающие.

Осенний мокрый снег хотя и злит, но земляная жижа повсеместных раскопов вызывает только чувство одобрения и стоического терпения. Вроде и вымажешься по колено, а заглянешь внутрь рва, увидишь холодный блеск новой металлопластиковой трубы и сразу понимаешь – это того стоит.

Жалко, что с первыми стаями перелетных птиц свернулись и веселые шатры пивных-разливочных. Сезон уличной торговли продолжают только не подвластные холодам наши знойные братья с юга. Тут тебе и картошечка русская, и овощ всякий крутобокий – покупай и не майся разгулом цен в супермаркетах.

Сетевые гиганты, впрочем, чувствуют себя вполне уверенно. Еще один свой дворец из стекла и бетона они возводят ударными темпами напротив торговых рядов. Скоро их длинные руки возьмутся за Литейную, дом 5, и на куче праха старого стекловского мира возведут еще один столп его завтрашнего дня.

Но и терпкий аромат прежних времен никуда не уходит от нас. Подтверждение тому – Дом культуры на Советской площади. Облупленные стены и колонны еще раз убедительно подчеркивают его ненужность современному Стеклову. Вот соберем денег, поставим на крышу купола, и здесь снова все наполнится первозданной духовностью.

А еще на дворе первая неделя ноября. Мрачно, склизко. И хочется уже только одного – белого-белого снега».

Закончив чтение, Шитов не слушающимися от нахлынувшего волнения руками вернул полосу на место и стал мямлить что-то про новые авангардные течения в мировой публицистике, но Игорь Семенович прервал его оправдания самым беспардонным образом:

– Вы, Андрей Васильевич, просто полудурок, какие даже в нашем городе большая редкость. Писать вы не умеете, так хотя бы научились скрывать свою бледную творческую немощь под простыми доходчивыми фразами. Вы всерьез полагаете, что я долго буду терпеть ваш бред? Корректор жалуется, что в ваших опусах английских заумных аббревиатур и компьютерного сленга больше, чем русских слов. Для кого вы пишете? Или вы думаете удивить стекловчан своей эрудированностью? Так вы их и так в каждом номере удивляете. Вот что, Андрей Васильевич, – Игорь Семенович нервно забарабанил пальцами по витражной столешнице своего модного бюро (это было его последнее приобретение, и он очень им гордился), – или вы переходите на понятный большинству наших граждан великий и могучий русским язык, или в самом скором времени эти граждане пошлют вас, и не думайте, что я смогу вас защитить.

Буденич распался все больше и больше, но сделал остановку и перевел дух. А затем продолжил:

– Вот скажите мне, что на вас нашло? Уму непостижимо: грохнуть с заумных высот в балалаечную какую-то стилистику! Вы, Андрей Васильевич, скажу вам по секрету, далеко не Демьян Бедный. Больше не упражняйтесь в том, в чем не смыслите ничего. А теперь идите и обдумайте хорошенько мои слова.

Когда Шитов, пятясь задом к двери, наконец выкатился из кабинета, Игорь Семенович энергично потянулся в кресле, так что хрустнули шейные позвонки. Он понимал, что Шитов хорош как составитель всякого рода статистических таблиц, отражающих успехи стекловской промышленности, и поэтому придется оставить этого блаженного в покое. Доверять ему написание материалов общественно-политической значимости редактор зарекся. «И куда только смотрела эта курица Лариса Дмитриевна? Тоже мне, ответственный редактор. Наверняка, как всегда, спихнула все на корректора, а сама бегала по магазинам. Пусть теперь сама расхлебывает, что натворила», – лениво думал Игорь Семенович. Выйдя из кабинета и зайдя к Ларисе Дмитриевне, которую он за глаза называл Масяней в Кризисе, Игорь Семенович увидел, что та вместе с верстальщицей копается в файлах недельной давности, чтобы закрыть чем-нибудь шитовскую стряпню на второй полосе. Игорь Семенович усмехнулся довольно, но тут же помянул нехорошим словом кобру-корректора, которая, конечно, специально тянула до последнего момента, чтобы доставить ему особую радость. Наверняка сейчас сидит, пьет кофе и покатывается со смеху, вспоминая яркие моменты феерического репортажа.

Через час отчет о шитовском дневном дозоре был убран с полосы и заменен какой-то депутатской статистикой о повышении надбавок и пенсий. Все случилось, как всегда, и Игорь Семенович теперь мог подумать о предстоящем важном номере, до выхода которого оставалось совсем немного времени.

Он позвонил в районный военкомат и попросил военкома полковника Махеева как можно быстрее отправить ему по факсу список еще живых ветеранов – участников войны, а также тех, кто принимал участие в обороне и освобождении Стеклова. Список, который прислали из военкомата, поверг Игоря Семеновича в глубокое уныние. В нем было двадцать три фамилии, но двенадцать людей из него приехали в Стеклов уже после войны, еще шестеро из дома уже не выходили по причине старческой немощи и болезней, а остальные, как оказалось, воевали в тылу и в боевых действиях не участвовали. И не было среди них ни одного человека, кто непосредственно принимал участие в освобождении Стеклова.

– А вы, Игорь Семенович, обратитесь в первичные ветеранские организации, их ведь много у нас, – посоветовал умница Махеев совсем уже приунывшему редактору. – Наверняка многие местные жители, тогдашние дети, прекрасно помнят оккупацию и освобождение города. Постройте очерки на их воспоминаниях. Ведь сейчас большинство из них заслуженные люди, ветераны труда и труженики тыла, а может быть, остались у нас и те, кто успел повоевать. Посильную помощь в этом я вам окажу.

Игорь Семенович несколько успокоился после слов полковника. Так, надо было действовать безотлагательно. Он позвонил в Дом ветеранов и попросил выявить заслуженных пенсионеров, чье детство или юность пришлось на военные годы и кто был свидетелем оккупации Стеклова или даже участвовал в освобождении города. К большой его радости, через три дня выяснилось, что таких среди стекловских ветеранов оказалось немало. Но возникли сложности, о которых доверительно сообщила ему по телефону директриса Алла Геннадьевна, дородная дама лет сорока. Она вот уже десять лет находилась в состоянии необъявленной войны с собственным весом, но вес ее, по причине частых застолий и обильных возлияний в подведомственном учреждении, неизменно выходил победителем в этой борьбе. Что только ни делала Алла Геннадьевна, чтобы влезть в обожаемую ею джинсовую брючную тройку! Она запретила своим сотрудникам и активистам ветеранских организаций подносить ей в праздники шоколад и конфеты, сократила до минимума чаепития в рабочее время, даже собственный день рождения превратила в день строгого поста, но настырные старики с чувством глубочайшей благодарности все тащили и тащили, так что Алла Геннадьевна частенько пребывала в угнетенном состоянии духа.

Алла Геннадьевна сообщила Игорю Семеновичу, что шестнадцать пенсионеров, активно посещающих ее учреждение, в дни оккупации и освобождения города были подростками, но, к сожалению, из всех шестнадцати Игоря Семеновича сможет заинтересовать только один старик, поскольку трое из этого числа уже с трудом вспоминают свое имя, четверо наотрез отказались давать интервью, шесть человек после войны основательно подпортили свои анкетные данные, связавшись с уголовным кодексом, а двое из списка, по собственным наблюдениям Аллы Геннадьевны, склонны к фантазиям и вполне могут выкинуть из старческой вредности что-нибудь этакое.

– Что же, Алла Геннадьевна, будем работать с теми, кто остался, – тепло поблагодарил Игорь Семенович директрису и тут же деловито осведомился:

– Старик-то хоть не из идейных? Какое у него образование?

– Образование самое подходящее, Игорь Семенович, – семь классов, восьмой коридор, да еще курсы электромонтеров в учебном комбинате, – успокоила его Алла Геннадьевна.

Игорь Семенович заметно повеселел. Теперь-то за основным очерком праздничной полосы дело не встанет. Этот старик, по словам Аллы Геннадьевны, узнав о предстоящем очерке в районной газете, чуть ли не прослезился. Он порывался сам приехать в редакцию, и Алле Геннадьевне едва хватило красноречия, чтобы удержать старика дома.

Это дело оказалось трудным.

– К вам, Максим Яковлевич, приедут домой. И никуда ходить не надо. Вы слышите меня, Максим Яковлевич? Будьте завтра дома и ждите приезда двух сотрудников редакции, журналиста и фотокорреспондента. – Алла Геннадьевна битых полчаса сидела у телефона и старалась четко и ясно произносить слова, зная, что старик почти глухой.

Директриса уже хотела окончить разговор и положить телефонную трубку, как вдруг Максим Яковлевич довольно сообщил ей, что его старуха накроет праздничный стол, а сам он по случаю приезда важных гостей достанет пол-литра «Стольной». Алла Геннадьевна от испуга обомлела, но через мгновение взяла себя в руки и тоном фельдфебеля приказала Максиму Яковлевичу пол-литра отставить, а угощать гостей исключительно чаем. Старик хотел было оспорить ее решение, весьма фривольно заявив, что он еще ого-го и в тираж не вышел, но в ответ на это Алла Геннадьевна заявила, что никаких корреспондентов Максим Яковлевич не дождется, если будет упрствовать и вести себя, как дитя малое.

Угроза подействовала. Максим Яковлевич хотел обидеться, но передумал, однако вовсе не из-за ультиматума Аллы Геннадьевны, а под давлением супруги, которая, как слышала директриса в трубку, по-семейному и не без легкого рукоприкладства призвала его к порядку.

Глава вторая

Хлопоты

В то самое время, когда Алла Геннадьевна ругалась по телефону с Максимом Яковлевичем, мэр города собрал в конференц-зале районной администрации своих подчиненных: несколько своих заместителей, руководителя городского водоканала, директора комбината благоустройства, начальника ДРСУ и двух специалистов из ООО «Горжилсервис», а также четырех депутатов городского собрания и целую команду телевизионщиков, которых он любил приглашать, когда планировал публичную экзекуцию кого-либо из городских руководителей. Алексей Никодимович любил устраивать такие спектакли и даже позволял себе иногда пошутить на эту тему с самыми близкими своими сотрудниками. Вот и сейчас, подходя к дверям конференц-зала, где уже ожидали его чиновники, он дружески пожал руку стоявшему у входа начальнику службы безопасности Несволоду и шутливо осведомился у него:

– Леонид, мои бандерлоги уже все собрались?

– Да все на месте, Алексей Никодимович, и пальмы уже поделили, – в тон вопросу отпартовал бравый отставной полковник, усмехнувшись в пышные усы.

– Добро, добро. Сейчас начну раздавать бананы, а то ведь передерутся без меня.

Зайдя в зал, Алексей Никодимович не спеша проществовал в президиум и уселся рядом с пресс-секретарем администрации Аленой Проволоцкой.

Алена слыла в Стеклове легендарной личностью. После вступления в должность она заявила Алексею Никодимовичу, что отныне главным направлением работы администрации она лично считает единение с народом во всех без исключения вопросах жизни города. Алексей Никодимович сначала подумал, что поспешил с назначением, но потом махнул на Алену рукой, решив, что такой секретарь в каком-то смысле ему даже полезен. Алена действительно поплыла в демократическом потоке, но поток этот оказался очень избирательным и захватил только модные салоны и ателье Стеклова, где секретаря самого мэра знали все стилисты, маникюрши и даже уборщицы.

Само собою, при таком единении с народом времени у Алены ни на что не хватало. Алексей Никодимович смотрел на это сквозь пальцы, зная, кого потащит на светские мероприятия и кто будет только рад этому. Иногда он читал ей нотации, когда до него через седьмые уши доходили слухи о том, какую сумму в очередной раз она оставила у закройщика или парикмахера. Но выпады Алексея Никодимовича она неизменно игнорировала и даже приводила доводы в свою пользу, заявляя, что пресс-секретарь главы города не должен выглядеть, как некоторые замарашки в администрации, например, как его заместитель Замарина, которая на десять лет моложе ее, а выглядит в своих мехах и бриллиантах глупее коровы на льду.

Вот и сейчас Алена сидела в президиуме, ловя на себе восхищенные взгляды городского руководства. Ее костюм, как всегда, был свеж и нетривиален, – легкая полупрозрачная туника фисташкового цвета с замысловатыми аппликациями на плечах дерзко контрастировала со скаутским галстучком и короткой венгеркой, расшитой позументом на рукавах и груди. Алексей Никодимович, оценив Аленин наряд, почувствовал некоторую ревность и пробурчал ей недовольно:

– Что это вы напялили на себя, Алена Михайловна? Вы что, блошинный рынок ограбили? Хотя бы раз извольте прийти в человеческом виде! Не смущайте наш целомудренный народ.

– Целомудренный народ! – передразнила шефа Алена. Она даже и не подумала как-то смутиться. – Много вы понимаете. Я эти вещи хайпанула на свопе.

– Где-где вы их хапнули? Слушайте, хапайте себе на здоровье, что хотите, но оставьте мой электорат в покое!

Алена в ответ снисходительно улыбнулась. Не объяснять же ему сейчас, что означают эти слова.

Алексей Никодимович окинул взглядом притихший зал, соображая, кого бы первого начать истязать. В вопросах публичного воспитания своих подчиненных он не придерживался никакой строгой тактической линии, всегда стихийно выбирая свою жертву. Невозможно было предугадать, на кого обрушится гнев градоначальника, потому что не знал этого заранее и сам он. Сейчас Алексей Никодимович решил, что первой его жертвой станет директор комбината благоустройства, меланхолического вида долговязый старик, страдавший подагрой и целым букетом других старческих болезней. Алексей Никодимович давно точил зуб на этого неприятного старикашку, желая спихнуть его на заслуженный отдых. Но формального повода для такого решения все не находилось, и Алексей Никодимович решил наконец найти этот повод самостоятельно.

– Виктор Петрович, вы не в курсе, что у нас сейчас происходит в квартальных зонах отдыха, за порядок в которых отвечаете непосредственно вы? – Алексей Никодимович сразу взял быка за рога, не дав Виктору Петровичу собраться с мыслями. Старик в ответ только бессмысленно заморгал и беспомощно почему-то уставился на Алену, а Алексей Никодимович, не мешкая, продолжил наступление:

– А во дворах у нас, особенно в центральном микрорайоне, творится безобразие. Все лето дежурный администрации докладывал мне, что в фонтан на улице Мира кто-то выливает моющее средство. Мы что же, так и будем молча наблюдать, как миллионы из городского бюджета, отпускаемые на благоустройство, утекают неизвестно куда?

Виктор Петрович надумал было сказать, что поимка хулиганов, регулярно выводящих из строя сложные инженерные устройства, не в его компетенции и что миллионы из городского бюджета на строительство фонтанов потрачены по личному указанию самого Алексея Никодимовича. Но говорить все это он не стал, а предпринял вялую попытку оправдаться, упирая на то, что средств, выделяемых на нужды его хозяйства, хронически не хватает.

– Так мы можем дойти черт знает до чего, – загремел в ответ на эти жалкие потуги Алексей Никодимович, – а народ, которому мы служим, нас может не понять. И спросит народ лично вас, Виктор Петрович: а что же происходит в нашем городе? Почему не работают наши прекрасные фонтаны?

Алексей Никодимович очень любил такие особенные моменты заседаний, когда распекаемый руководитель, не имея никакой возможности защититься, лепечет что-то в свое оправдание, опустив голову, как проштрафившийся школьник. Никто уже не слушает его, а все внимание сосредоточено на речи мэра. Алексей Никодимович еще минут пятнадцать говорил об ответственности городских руководителей перед народом, а затем, выдержав многозначительную паузу, сообщил, что эта ситуация требует самых серьезных административно-кадровых решений, которые будут приняты им в ближайшее время. Все присутствующие знали, что это означает. Знал это и Виктор Петрович, который сразу после речи мэра, сославшись на плохое самочувствие, вышел из зала.

Виктор Петрович вышел на улицу и бросил злобный взгляд в сторону администрации. Он выпал из системы, но сейчас жалел не об этом. Ему обидно было, что он, подполковник в отставке, боевой офицер, был предан сегодня публичному позору, и кем? Этим толстым бороваком без роду-племени, притащившимся в Стеклово неизвестно откуда. Виктор Петрович твердо решил сегодня же примкнуть к городской оппозиции, которая неизменно предавала осмеянию все решения городского главы. Он с ностальгией вспомнил, как пятнадцать лет назад он, тогда еще полный сил офицер-отставник, поступил в распоряжение прежнего градоначальника и начал работать буквально голыми руками, не имея никаких финансовых возможностей для благоустройства города. В его распоряжении оказалась бригада пьянчужек обоого пола, да две женщины в должности техников-озеленителей, которые постоянно пребывали в декрете. Рас-

саживать цветы и стричь газоны его гоп-команда еще кое-как могла, но большего от них ждать не приходилось. Тогда и приехал в Стеклово этот южный казачок Лытарь. Он сумел в короткие сроки съезжать с потрохами прежнего городского главы, а затем сколотить собственную команду из таких же, как и он сам, перекасти-поле. И начались в Стеклове перемены, о которых Виктор Петрович сейчас вспомнил с саркастической ухмылкой.

Новые веяния охватили как-то разом все стороны городской жизни. Алексей Никодимович пошел в народ совершенно бестрепетно, с лихой отвагой, которую заметил в нем даже губернатор. Неизменно новый мэр, выезжая в какую-нибудь тьмутаракань, брал с собою с десяток руководителей районного масштаба, а также команду телевизионщиков, которых подбирали для работы в местной телекомпании лично, и тащил всю эту ораву на весеннее распаханное поле, по которому с изумлением скакали грачи и вороны, тащил их в самую грязь, чтобы лично пожать руку трактористу, который от такого внимания терял дар речи. Народ между тем гадал: скоро ли прекратятся колхозные экспедиции мэра? Но это было только самое начало.

Еженедельные заседания руководителей муниципальных служб, управлений и комитетов, проводимых в администрации под председательством нового мэра, стали напоминать заседания ревкомов времен Гражданской войны. Решения принимались молниеносно и неизменно под град аплодисментов, предназначавшихся лично Алексею Никодимовичу.

Новости местного телеканала каждый стекловчанин ждал теперь с нетерпением, и даже бабушки у подъездов стали ярыми поклонницами нового городского развлечения.

Вскоре популярность мэра достигла невиданной прежде высоты, и Алексей Никодимович приступил наконец-то к исполнению давнишних своих задумок, которые должны были увековечить его имя на скрижалях Стеклова.

Однажды утром, в самую унылую осеннюю слякоть, мэр, объезжавший по своему обыкновению город со свитой наиболее приближенных соратников, которые тащились за его внедорожником на трех развалюхах отечественного автопрома, вдруг неожиданно вышел из машины прямо посреди центрального проспекта. Он молча стал разглядывать основную достопримечательность этого места, к которой стекловчане за долгие годы уже привыкли и никак не замечали ее, – это была огромная лужа, которая неизменно возникала на этом месте всякий раз, когда местная теплосеть в ноябре начинала раскопки, чтобы извлечь из земли прогнившую трубу. Труба сгнивала каждый год, и именно в ноябре, и не было никакой возможности у обитателей Стеклова избежать этой беды.

Вслед за мэром в лужу с вопрошающим выражением на лицах уставились и сопровождавшие его чиновники. Алексей Никодимович еще минут пять постоял молча, затем ткнул указательным пальцем в самую середину водоема и, не оборачиваясь к свите, провозгласил:

– Запомните этот день и это место, хорошо запомните, коллеги! Я обещаю вам и всем жителям города, что через год вы не узнаете свой город. Не будет больше никаких коммунальных аварий и фонтанов, бьющих прямо из земли в местах прохудившихся теплотрасс. Мы больше не будем закапывать миллионы бюджетных денег в землю. Мы создадим в Стеклове уникальную наземную систему теплоснабжения, и многие поколения стекловчан еще будут благодарить нас за эту революционную идею!

Свита мэра, услышав про революцию, застыла в полном недоумении. Никто ничего не понял. Это было простительно, поскольку дело было новое, нигде прежде не виданное. Но уже через обещанный мэром год все они с искушенным видом вещали населению о невиданном для Стеклова благе – наземной теплотрассе, которая к концу лета опутала весь город гигантским змеиным клубком. Трубы блестели на солнце металлическими боками и радовали стекловчан, а также удивляли гостей города. Но вскоре Алексею Никодимовичу стали докладывать о неприятных происшествиях, которые угрожали его детищу. Бомжи снимали металлическую обшивку с труб и тащили это добро в пункты приема цветного металла. Мэр негодовал. На одном из еженедельных заседаний он дал личное указание прокурору Стеклова инициировать

несколько показательных процессов над несунами цветмета, но на население это не произвело никакого впечатления, поскольку бомзам и пьянчужкам было все равно, где проводить время, – в холодном милицейском обезьяннике или в родных трущобах.

Со временем кое-где еще сохранившаяся металлическая обшивка стала выглядеть неприглядно и даже убого, и даже местная шпана, раньше с удовольствием прогуливавшаяся по блестящим новеньким трубам, забросила это занятие. Первый городской опыт Алексея Никодимовича потерпел оглушительное фиаско, но мэра это не расстроило. Он был готов к новым свершениям и трудностей не пугался.

Прошло еще два года правления Алексея Никодимовича, в течение которых стекловчане окончательно раздели городскую теплотрассу. Теперь она в отдельных местах еще представляла солнцу тусклые проржавевшие бока, но эти жалкие фрагменты бывшего величия не могли скрыть ни струй пара, прорывавшихся из-под неряшливо закрученных вентиляей, ни ключев рыжей стекловаты, которую подвыпившие подростки растаскивали по городу, ни надписей, самым nepотpeбным образом оскорблявших городское руководство. Работники городских жилконтор по указанию мэра закрашивали это хулиганство, но надписи появлялись вновь и вновь, так что Алексею Никодимовичу пришлось дать негласное распоряжение стекловской полиции – патрулировать в вечерние и ночные часы теплотрассу, чтобы хулиганствующая молодежь отучилась наконец трепать его имя.

Пришло время новых свершений. Алексей Никодимович с энтузиазмом взялся за новый проект, суливший городу невиданное развитие. Вскоре Стеклов, жизнь которого проходила, так уж случилось, вдоль федеральной трассы, был потрясен масштабным строительством. Но строились не дома и какие-либо учреждения, а бензоколонки, автомастерские, паркинги и автомойки. Стекловчане вначале с азартом подсчитывали нарождавшиеся в городе, как грибы после дождя, эти заведения, но затем сбились со счета. Более того – нашлись в Стеклове даже недовольные и политически неверно ориентированные граждане, которые вначале шептались по углам, а затем начали говорить открыто, что мэр Лытарь превратил их цветущий город в вонючую автозаправку. Алексею Никодимовичу пришлось провести немалую организационно-разъяснительную работу, чтобы заткнуть этим мерзавцам рты. «Мы дали тысячам стекловчан достойную работу на новых объектах городского автосервиса! Кто может опровергнуть этот неоспоримый радостный факт?! И пусть разного рода злопыхатели в бессильной злобе пытаются выдать белое за черное, утверждая в своих никчемных газетенках, что городу не нужно светлое будущее, истинные патриоты Стеклова знают: мы, слуги народа, стоим и будем стоять на страже интересов горожан!» – гремел с трибун Алексей Никодимович.

Но оппозиционная пресса и не думала успокаиваться, расстраивая градоначальника. И чем больше появлялось рекламных щитов у новеньких автозаправок и мастерских, тем упорнее и злее становился поток гадкой лжи, изливавшийся со страниц неподконтрольной мэру прессы. Молодые подонки, взращенные на деньги недоброжелателей Алексея Никодимовича, в своих полуподпольных редакциях строчили статейки, в которых утверждалось, что большая часть городского автосервиса принадлежит лично Алексею Никодимовичу или записана на его многочисленных южных родственников. Более того, эти молокососы утверждали, что мэр не только крадет деньги из городского бюджета, но еще и спонсирует нелегальную миграцию, поскольку на его заправках работают не стекловчане, а гастарбайтеры, которых в городе стало больше, чем коренного населения.

Надо было срочно что-то предпринимать, иначе эта наглая ложь легла бы жирным пятном на репутацию главы. И однажды в служебном кабинете Алексея Никодимовича состоялось тайное совещание с прокурором города, начальником районной полиции и начальником паспортно-визовой службы Стеклова. Задача, которую предстояло решить, представлялась всем собравшимся очень непростой: нужно было превратить азиатов, шатавшихся по городу, в легальную трудовую армию. Выход предложил Коля Чапан, начальник паспортно-визовой

службы. Он оказался до смешного простым: Чапан предложил регистрировать гастарбайтеров в заброшенных деревенских домах, благо таких в районе было великое множество.

Вначале все шло как нельзя лучше. Возникали, конечно, отдельные проблемы: нашлось несколько хозяев сельских развалюх, которые по глупости и из жадности запросили за регистрацию немислимые деньги, но с такими хапугами районная паспортная служба возиться не стала. А затем случилось то, чего никто не мог предвидеть.

Одна старуха из глухого села Радищево умудрилась нахватать кредитов на три миллиона рублей под залог земельного участка и дома. Платить она и не собиралась, и в один прекрасный день ее дочка и зять, погрузив в шикарный внедорожник все честно нажитое, вместе с мамашей укатили из деревенской глуши в необозримые российские дали, оставив три городских кредитных учреждения с носом. Когда же через некоторое время в дом старухи явились судебные приставы, чтобы описать ее хозяйство, они не обнаружили в нем ни бессовестной заемщицы, ни ее семьи, ни самого имущества, подлежащего аресту. Но дом, как оказалось, отнюдь не пустовал, и взору изумленных приставов предстал интернациональный рабочий коллектив, имевший на руках паспорта с официальной регистрацией, причем эта регистрация была у всех одна – Стеклоковский район, село Радищево, дом 18. «Кто же позволил вам тут жить в таком количестве?!» – спросил апатичных узбеков вконец обалдевший пристав, который ничего подобного в своей жизни еще не видел. «Чапан разрешил, начальник», – ответил за всех высокий старик-узбек. – «Какой такой чабан? Ты чего мне тут голову морочишь?! Отвечай, ты, ветеран Кара-Кума, кто вам здесь позволил находиться, а не то живо отправитесь обратно в чуйские эмираты!» – взревел пристав. Он орал так громко, что постояльцы со страху забились во все темные закутки и закоулки в доме и затихли там, ожидая, чем все закончится.

Однако нашелся в команде приставов неглупый человек, который разъяснил своему молодому начальнику, что Чапан, про которого толковал старик-узбек, никакой не пастух, а главный паспортист района. Начальник, осуществлявший до сего дня исполнение судебных решений без всякого огонька в душе, сразу сообразил, какое резонансное дело может из всего этого получиться. Приехав в свое учреждение, он тут же накатал заявление в районную прокуратуру о выявленных лично им грубых нарушениях гражданского законодательства. Зная склочный характер этого законника, прокурор не посмел замять дело, принимавшее самый нехороший оборот. Что же было делать?

И прокурор решился сделать трудный, но такой необходимый для чести района шаг. Он долго рассматривал трубку телефонного аппарата, наконец сурово, по-мужски, стукнул кулаком по столу и набрал номер приемной мэра. После разговора с Алексеем Никодимовичем вопрос разрешился законным образом, и виновник всего этого беззакония и вопиющей халатности, Николай Петрович Чапан, в тот же день был уволен со службы.

Алексей Никодимович, приехав домой после трудного и болезненного, почти личного для него дела, крепко напился. Он не любил терять людей, которым доверял, как самому себе, а тут случилось такое, и кто же все это натворил? Человек, которого Алексей Никодимович считал чуть ли не сыном, который буквально вырос на его глазах! Да, потеря была трудная. Но Алексей Никодимович переборол себя, и на следующее утро явился в свой кабинет бодрым и подтянутым, с какой-то суровой решимостью в глазах.

Нужно было жить дальше, – этого ждали от него люди, которые нуждались в нем. Дела в районе в последнее время шли в гору, и Алексей Никодимович просто не мог допустить, чтобы какая-то глупая мелочь разрушила все то хорошее и поистине нужное людям, что делал он как глава города и района. Он некоторое время задумчиво размышлял о себе и о людях, которые его окружали, и решил вдруг, что сейчас, именно сейчас, самое подходящее время для новых амбициозных проектов, о которых он раздумывал в недалеком прошлом, но исполнение которых все как-то откладывал. Не из нерешительности, нет, – просто время для них тогда еще

не наступило, а сейчас, на пике борьбы с коррупцией и административным засильем во всех сферах жизни, их просто необходимо претворить в жизнь.

Стеклов, который он успел полюбить всей душой, часто раздражал его своим провинциальным видом, каким-то сонным равнодушием обывателей и неумением обустроить по-европейски свою жизнь. Торговля пребывала в полудиком состоянии, поскольку была по-азиатски разбросана по разным мелким магазинчикам, лавкам, каким-то немислимым ларькам и киоскам, которые расплодились в городе в таком количестве, что уследить за их деятельностью не было никакой возможности. Разве так должен был развиваться истинно культурный город? Алексей Никодимович решил, что пора кончать с местным купеческим болотом, в котором неизбежно погибло бы все новое и смелое, к чему стремилась его душа.

Вскоре он встретился с губернатором области Гномовым. От этой поистине судьбоносной встречи зависело многое и в его личной судьбе, и в судьбе Стеклова, который скоро, очень скоро, должен был превратиться в город-сад.

В Стеклов пришла весна, а вместе с ней в город приехала огромная армия строителей. И жизнь города, до того момента более-менее размеренная и спокойная, разом круто переменялась. Масштабные стройки начались сразу в нескольких местах. Вся городская рать во главе с Алексеем Никодимовичем дни напролет с какой-то неопишуемой лихостью и юношеским задором носилась по городу, давала ценные указания прорабам и простым рабочим, кого-то ругала, кого-то хвалила, и город, воодушевленный переменами, почти перестал спать. Впрочем, нашлись среди городской интеллигенции, которую Алексей Никодимович про себя окрестил поганой сволочью, отдельные ревнители стекловской старины, которые нагло кое-где заявляли, что мэр губит город. Эти тупоголовые охранители древних мощей даже основали собственную общественную организацию, которая стала всячески пакостить мэру и некоторым городским муниципальным управлениям. Они рассылали письма куда только могли, звонили во все инстанции, стучались во всевозможные властные кабинеты в администрации губернатора и даже в самой Москве, – в общем, надоедали главе города как могли, вставляя палки в колеса прогресса и централизации.

Конечно, они не могли уже ничего изменить, и Алексей Никодимович по доброте душевной позволял им твякать на себя. Он уже со счета сбился, подсчитывая, сколько различных комиссий из области приезжало по его душу, чтобы проверить, соответствуют ли действительности все те факты уничтожения памятников архитектуры и культурного наследия, которые раскопали и предали публичной огласке эти полоумные любители древностей. Алексею Никодимовичу пришлось даже лично вникнуть в некоторые подробности истории Стеклова. Он выяснил отдельные анекдотические стороны этого прошлого. Полуразрушенное городское пожарное депо, стоявшее на берегу реки в самом центре Стеклова, в один прекрасный день само тихо сползло в воду, потому что денег на укрепление берега в городской казне на тот момент не оказалось. Правда, деньги эти чудесным образом обнаружили даже в чрезмерном количестве, как только на месте бывшей пожарной каланчи решено было строить современный бизнес-центр. На привокзальной площади случилась другая беда: там необходимо было построить крупный торговый центр – подарок, обещанный лично губернатору, но строительству этого важного объекта мешала старинная железнодорожная казарма, которая, словно бельмо на глазу, торчала в самом центре площади. Местные краеведы вцепились в эту рухлядь просто железной хваткой, и Алексею Никодимовичу все же пришлось пойти им навстречу, – он пообещал оставить от казармы часть кирпичной стены и вписать ее в фасад будущего здания.

Так, с боями и в постоянном нервном напряжении мэр города продвигался к заветной цели, к своему взлелеянному в мечтах городу-саду, который стал уже постепенно приобретать формы и вырисовываться в общих чертах.

Грандиозная перестройка шла своим ходом, и муниципальные служащие уже без страха, а даже с азартом сопровождали мэра в его стремительных наездах на стройки, но мэру это

казалось уже чем-то вполне заурядным. В пылу переустройства не заметили, как в городе снесли старую часовню и бывший дом городничего. Городской архитектор, поздно обнаружив эти потери, схватился за голову. Но дело было сделано, и скрыть снос уже не было никакой возможности. На очередном заседании у мэра архитектор Буганов, посыпав голову пеплом, покаялся в собственных просчетах и недосмотре, но тут же обрушил свой гнев на заезжих проектировщиков, обвинив их в попустительстве и наплевательском отношении к собственным служебным обязанностям. Алексей Никодимович и тут проявил мудрость, обязав лично Буганова и проектное управление восстановить в кратчайшие сроки уничтоженные памятники. Но здесь же, на заседании, проштрафившиеся специалисты из Москвы доложили мэру, почему снос был необходим. Их доводы в корне изменили все дело. Оказалось, что эти развалюхи угрожали соседним зданиям, и если бы их не снесли вовремя, то под угрозой оказалась бы целостность целого ряда старинных домов по соседству.

– Ну что же вы, Борис Егорович, сами себя в штрафники записали? – спросил мэр Буганова, который сидел ни жив ни мертв, ожидая громких административных решений.

Когда же грозовые тучи над головой архитектора чудесным образом рассеялись, он не преминул обратить это дело в шутку.

– Да как же, Алексей Никодимович, я мог не поставить вас в известность об этом? Сами знаете – народ у нас грамотный, того и гляди, митинг устроят в защиту старых кирпичей, – загудев приятным баритоном, ответил мэру архитектор, и вслед за ним все заседание заулыбалось. Мужчины по-дружески хлопали Бориса Егоровича по плечу, а Алексей Никодимович, придя в прекрасное расположение духа, отдал распоряжение объявить приказом по управлению архитектуры и градостроительства благодарность лично Буганову и двум его заместителям.

С заседания все разошлось в отличном настроении. Мэр воодушевил всех своей смелостью и принципиальностью в важных для благоустройства города вопросах, и чиновничество еще более решительно взялось облагораживать Стеклов. У торговых рядов решено было вырубить старую липовую аллею и устроить на ее месте так необходимую городу автостоянку. Дело было сделано буквально за три дня, так что стекловская краеведческая банда и опомниться не успела и долго после этого случая приходила в себя.

Мэр приказал Буденичу ввести новую рубрику, материалы которой должны были непредвзято освещать будущее города. Новый быт уже вошел в каждую семью, и Игорь Семенович только успевал подписывать в печать очерки и заметки о городских нововведениях.

Однажды город проснулся, и летнее радостное солнце осветило Стеклов с изумлением, – лучи его ласкали уже не старые темные закоулки. Сверкали на солнце, словно пасхальные куличи, блестели яркими витринами супермаркеты, обложившие город со всех сторон.

Жители разбитых нищенских окраин Стеклова, оказавшиеся соседями торговых заведений, первое время любовались этой красотой. Нашлась, конечно, как всегда, горстка хулителей, обозвавшая новые дворцы Стеклова «сукинмаркетами», и дикий невоспитанный народ с восторгом подхватил это словцо.

В конце лета в город приехал губернатор. К его приезду готовились долго. Все необходимые меры предосторожности были предприняты загодя. В старом городе ликвидировали пивные шалманы, а их особенно злостным завсегдатаям предписано было вообще не появляться в городе во время визита губернатора; древние деревянные развалюхи, еще кое-где сохранившиеся в центре, обнесли глухими заборами из свежих досок, лодочную станцию на берегу реки Лушки, которую по вечерам облюбовывали местные пьянчужки, закрыли на длительный ремонт. Стеклов замер в ожидании высокого областного начальства.

Губернатор приурочил свой приезд к открытию торгового центра «Дарья», который распластал свое грузное кубическое тело на привокзальной площади, захватив почти всю ее территорию. Поговаривали, что Алексей Никодимович приготовил для своего высокопоставлен-

ного друга личный подарок, назвав открывшийся комплекс именем его супруги. Открытие «Дарьи» прошло с большой помпой. Губернатор выступил с вдохновенной речью, в которой назвал Стеклов расцветшей розой губернии.

Блестящая автомобильная кавалькада губернатора вихрем промчалась по центру Стеклова, нигде не останавливаясь, и свернула на федеральное шоссе. Стекловчане обсуждали визит высокого гостя, гадая, какие же теперь ветры перемен подуют и чем это обернется для них. Говорили, что дела в Стеклове теперь пойдут еще успешнее. А Алексей Никодимович довольно потирал руки: он добился неограниченного кредита области, который позволит ему воплотить все свои задумки в жизнь. Бюджетные вливания вскоре принесли свои плоды: мэр наконец-то начал давно задуманное дело, осуществление которого сулило лично ему славу на долгие десятилетия.

Вскоре сразу в пяти местах Стеклова начались подготовительные работы, о конечной цели которых горожане судили-рядили всю осень. На зиму все остановилось, но весной работы продолжились, и затем наступил долгожданный финал: на месте прошлогодних раскопок друг за другом открылись городские фонтаны. Их гранитные бассейны и искусно устроенная подсветка предстали перед горожанами во всем своем великолепии. Но, как всегда, нашлись в стаде паршивые овцы, испортившие все дело. Хулиганье втихомолку стало сыпать в фонтаны стиральный порошок и лить еще какую-то бытовую химию, отчего эти сложные гидросооружения выходили из строя. К тому же дикие ватаги молодежи устраивали в ночные часы пьяные гулянки у фонтанов, сопровождаемые битьем бутылок, запуском ракетниц и шутих, визгом, драками и прочими безобразиями. Жители перестали спать по ночам. А подростки совсем распоясались. По утрам дворники, матерясь на все лады, отгребали от фонтанов кучи битого стекла и мусора. Мэр отдал распоряжение патрулировать по ночам площади и скверы, но это оказалось пустой затеей, – то ли полиция плохо справлялась со своими обязанностями, то ли дерзкая молодежь, видя приближающиеся наряды, успевала прятаться в близлежащих подъездах. Вскоре парадные этих домов своим запахом и видом стали напоминать общественные уборные. Жители взбунтовались и стали писать коллективные жалобы в администрацию с требованиями прекратить безобразие или же вовсе законсервировать фонтаны.

В городе прошла акция «Сделаем наш город садом», но она закончилась полным провалом по причине отсутствия элементарной совести и гражданского самосознания у молодежи и деклассированных элементов, которые продолжали устраивать форменное свинство и пьяные разгулы. Терпению администрации пришел конец, когда некто темной ночью вымазал краской дорогую кованую ограду фонтана в старом городе, сопроводив эту мазню надписями неприличного содержания в адрес мэра, а в бассейн вылив вонючую жидкость неизвестного происхождения. Поймать хулигана полиция не смогла. Телевизионщики, науськанные мэром, грозили всяческими карами вандалу.

Алексей Никодимович в теленовостях призвал горожан к спокойствию и гражданскому единению. Он почувствовал, что авторитет его, прежде нерушимый, дал трещину. Тогда-то с административного Олимпа и полетели головы некоторых чиновников, и карающий меч начальственного гнева не преминул острым своим краем коснуться несчастного начальника комбината благоустройства. Так Виктор Петрович в одночасье остался не у дел. В сердце он затаил злобу на своего бывшего патрона. Метнув в последний раз мстительный взгляд в сторону городской администрации, бравый подполковник сотворил в брючном кармане крепкую фигу, плюнул на помпезный парадный вход, а затем решительно зашагал прочь.

Заседание, на котором низвергли Виктора Петровича, шло между тем своим ходом. На повестке дня стоял очень важный вопрос – подготовка к торжественному празднованию Дня освобождения, который отмечался 15 декабря.

– Мы все не должны забывать, что эта дата на сегодняшний момент – самая важная для нас, – внушительно начал свое выступление Алексей Никодимович. – Все необходимые меро-

приятия уже распланированы и утверждены. Будет торжественный сбор участников войны и тружеников тыла в Доме ветеранов, митинг и торжественное возложение венков на мемориале воинской славы, а затем общегородская минута молчания. Собрания пройдут во всех ветеранских организациях города. Все эти мероприятия мы не должны пустить на самотек. Учтите, коллеги, – спрошу лично с каждого за подготовку города к этой знаменательной дате. Стеклов должен блеснуть чистотой, и это ваша самая актуальная задача на сегодняшний день.

Проговорив еще полчаса о мелких деталях подготовки к празднику, мэр закончил совещание.

Незаметно прошла неделя. Теперь нужно было встретиться с Буденичем и Татьяной Викторовной, чтобы в приватной обстановке обсудить главную задачу предстоящего празднования – достойное освещение в СМИ этого общегородского мероприятия.

Первым делом он вызвал к себе Буденича.

Игорь Семенович приехал к мэру незамедлительно. Алексей Никодимович ждал его в кабинете, просматривая ежедневную почту. Мэр опытным взглядом сразу определил, что Буденич с поручением справился. Решив не затягивать надолго разговор с редактором, он спросил Игоря Семеновича сразу, как только тот зашел в кабинет, готов ли праздничный номер.

– Все в порядке, Алексей Никодимович, – отрапортовал привычно Буденич. – Один только нюанс меня беспокоит.

– Что еще за нюанс?

– Дело в том, видите ли, что интервью у подходящего ветерана мы взяли, но он согласен на его публикацию лишь при выполнении одного неременного условия.

– Какого такого условия? Что вы вечно тянете ко́та за хвост, Игорь Семенович? Говорите ясно и быстро, ведь у меня дел невпроворот с этим вашим праздником, – раздраженно выпалил Алексей Никодимович в ответ на странное заявление редактора.

«С этим вашим праздником!» – передразнил Игорь Семенович безобразно беспардонные слова мэра. Его в последнее время так и подмывало что-нибудь дерзкое предпринять в отношении Алексея Никодимовича. Например, обозвать его вслух так, как он обычно называл мэра про себя.

– Алексей Никодимович, ветеран пожелал личной встречи с вами. Мало того, он заявил, что непременно должен вместе с вами проехаться по местам наиболее яростных боев, произошедших на территории Стекловского района зимой 41-го года.

Алексей Никодимович, услышав это, застыл в своем удобном кресле, подобно Будде в нирване. В этом состоянии, впрочем, он пробыл недолго. Справившись с невольным оцепенением, мэр вначале побагровел, затем, облокотившись на стол, подпер подбородок обеими руками и с полминуты в упор разглядывал Игоря Семеновича. Такой реакции мэра Буденич не ожидал. Решив все же завладеть инициативой, Игорь Семенович спросил осторожно:

– Так что же нам предпринять в ответ на такое смелое заявление ветерана, Алексей Никодимович?

– Как зовут ветерана?

– Максим Яковлевич Царев, – с готовностью ответил редактор. – Подростком он видел освобождение города.

– И что же мне прикажете делать с этим активистом? Разъезжать с ним по району в поисках мест былых сражений, о которых он, скорее всего, толком и не знает ничего? Может, вас, Игорь Семенович, посадить в мое кресло на время этой экскурсии? А то ведь район без руководства останется! Как думаете, справитесь?

Буденич в ответ деликатно промолчал. Он решил больше ничего этому болвану не говорить. Пусть сам находит решение и выкручивается, как может.

Алексей Никодимович прекрасно знал, что этот тщеславный и хитрый писака, Буденич, лишнего шага больше не сделает. И ведь как повернул все дело, подлец! Формально даже

упрекнуть его не за что, – ведь он выполнил свою работу. Нечего сказать, заварил кашу, журналюга. Подавив в себе недовольство, Алексей Никодимович стал лениво думать, как бы ему избежать общения со стариком-ветераном. Ничего в голову не приходило.

– И никак нельзя уломать Максима Яковлевича отказаться от этой затеи?

– Никак, Алексей Никодимович. Старик непреклонен в своем решении. Наш корреспондент ему битый час разъяснял, что это нереально сделать, а тот уперся. Кричал: «Никакого интервью, если с уважаемым Алексеем Никодимовичем не организуете поездку!» А еще добавил потом – если, мол, откажется мэр, так я в Москву напишу, как у нас ветеранов уважают. Представляете, что может из всего этого получиться?

Со всей ясностью мэр осознал, что отвертеться от столь нежеланной поездки с выжившим из ума стариком ему не удастся. И надо же было Буденичу связаться с ним! Теперь и виноватых не найдешь, – сам дал задание этому борзописцу.

Алексей Никодимович неприязненно отметил про себя, что наглец Буденич в весьма вальяжной позе развалился в кресле для посетителей, хотя мэр даже не приглашал его садиться. Алексей Никодимович очень не любил такого рода двусмысленные намеки. Когда ему становилось ясно, что не он является полномочным хозяином положения и что гость его прекрасно это понимает, тогда менялось даже его физическое состояние: появлялась неприятная тяжесть в животе и груди, а тело противно слабело.

Но делать было нечего: Буденич действительно держал его за жабры. Помолчав немного, Алексей Никодимович со вздохом произнес:

– Что же, Игорь Семенович, надо пойти навстречу пожеланию уважаемого человека. Сегодня же сообщите Максиму Яковлевичу, что в самое ближайшее время я лично свяжусь с ним по телефону и договорюсь о дате такой важной для него поездки.

Когда редактор вышел из кабинета, Алексей Никодимович отложил в сторону папку с почтой и достал из-под вороха документации, в художественном беспорядке разбросанной на журнальном столике у окна, свежий номер самой пасквильной газетенки города. Называлась она «Патриотический вестник». Мэр знал, что это издание читает весь город, мало того – весь город знает, сколько дорогих авто и недвижимости в районе имеет сам Алексей Никодимович и его ближайшее окружение. Каким-то непостижимым образом все коммерческие операции Алексея Никодимовича, даже самым тщательным образом закамуфлированные, непременно становились известны пачкунам из «Патриотического вестника». Алексей Никодимович со злостью пролистал непотребный еженедельник. На пятой странице он обнаружил фельетон, касавшийся работы ряда городских муниципальных служб. Мэр решил начать ознакомление с номером именно с фельетона. Он погрузился в чтение:

«Пятый микрорайон города, в котором на данный момент проживает около трети всего городского населения, без преувеличения, брошен властью на произвол судьбы. Складывается такое впечатление, что чиновничья рать во главе с ныне действующим мэром просто забыла о существовании этой самой густонаселенной территории Стеклова. Пятый микрорайон попал в настоящую черную дыру, превратился в какую-то сталкерскую зону с огромным списком проблем, а городская власть, стыдливо потупив очи, делает вид, что и не догадывается о собственной управленческой несостоятельности.

О каких проблемах идет речь? Их много, и осветить их в одной статье вряд ли удастся, но некоторые из них прямо-таки просятся на газетную полосу.

Социальная инфраструктура

Обсуждать этот вопрос сложно, учитывая тот факт, что инфраструктура в пятом микрорайоне пребывает в полудиком состоянии. Объектов пресловутого соцкультбыта (слово эпохи развитого социализма, но ничего лучше пока не придумали) здесь нет вовсе. Правда, есть один

«объект» сугубо коммерческой направленности – то ли бильярдная, то ли игорный дом, внешним видом напоминающий торговый павильон. Расположен он на берегу пруда, в непосредственной близости от жилого дома, и постоянно облеплен легковушками посетителей. Раньше в этом домике был магазин, пользовавшийся популярностью, а о том, что сейчас в нем происходит, жители близлежащих домов осведомлены мало. Временами из этого заведения вываливаются помятые личности, видом совсем не напоминающие любителей тихих настольных игр, и в пьяном состоянии садятся за руль. Один такой «любитель» этой осенью угодил на автомобиле прямо в пруд. Машину его вытащили, а дело о незначительном правонарушении, видимо, замаяли, поскольку ныряльщик оказался то ли полицейским, то ли еще каким-то властным чином. Народ это купание запомнил и оценил. Еще бы. Такое ведь не каждый день увидишь.

Имеется ли в пятом микрорайоне хотя бы один объект социально-культурного назначения в муниципальном ведении? Может, и есть такой. Например, в чиновничьей отчетности, то есть на бумаге. И кто-то, быть может, даже зарплату получает за эту не видимую никому из жителей работу.

«Забота» о детях

Кроме детского садика, мест в котором хронически не хватает, чиновничья забота о детях микрорайона не выражена более ничем. Зато проявляют фантастическую активность в этом деле некие коммерческие структуры, которые от щедрот своих понатыкали детские площадки где ни попадя. Один такой «объект» облагородил район в прошлом году. Это же надо было додуматься – устроить детскую площадку в грязной луже, в трех шагах от автозаправки, в непосредственной близости от движущегося автотранспорта! Такая «помощь» детям – это неминуемый путь к беде. Кто позволил этим горе-помощникам «заботиться» о детях подобным образом? Вопрос остается открытым.

Дороги

Еще Н.В. Гоголь тонко подметил одну из самых замечательных особенностей менталитета русского человека, а именно страсть к быстрой езде, которая в нашем сознании неистребима. Беда, что страсть к быстрой езде и соблюдение скоростного режима – вещи несочетаемые, как думает начальство. Или так ему удобно думать. Вот и у чиновных людей Стеклова эта мысль засела в головах. Но в борьбе за безопасность дорожного движения все средства хороши! Надумали чиновничьи светлые головы помочь автолюбителям пятого микрорайона и от большого, надо полагать, ума оснастили внутриквартальные проезды лежащими полицейскими. Да не абы как их положили, а именно в местах наибольшей опасности, то есть по краям многочисленных луж. Чтобы, значит, какой-нибудь нездешний автолюбитель в пору очередного внесезонного разлива не утопил ненароком свое авто во враждебных водах.

Особые слова благодарности хочется сказать в связи с появлением новых автобусных павильонов, которые ни от ветра, ни от дождя не защищают, зато легки и миниатюрны, так что в часы пик не вмещают и половины стоящего на остановках народа. Интересно, сколько денег вбухано в этот креативный проект и кто его автор? И надо полагать, что отсутствие одного бокового стекла в кабинках – это особый творческий ход, так сказать, творческая задумка проектировщиков? Глубина дизайнерской мысли так потрясла стекловчан, что некоторые из них называют эти остановки одним нехорошим, плохо пахнущим словом. Напечатать его автор не решился. Его и так все знают.

Почта

Многого, к чему привыкли горожане, живущие, например, в центре Стеклова, нет в пятом микрорайоне. Нет ни досуговых центров, ни кинозалов, ни мало-мальски приличной библиотеки, ни фитнес-клубов, пусть даже коммерческих, ни стадионов, ни бассейнов, ни творческих клубов, ни дома быта, ни отделения Сбербанка, чего там – даже захудалой бани нет, так что во время ежегодного отключения горячей воды жители района изворачиваются, как могут, – кто воду в тазиках и ведрах подогревает, а кто к родственникам на помывку ездит. Впечатление, что городская власть плюнула на них, у жителей района сложилось стойкое. Как бы не случилось обратного в скором времени, – вот чего на самом деле должна опасаться городская администрация.

В Пятом, в подъезде многоэтажки, имеется трогательное в своей убогости почтовое отделение, в которое войти боязно. Описывать его красоты смысла не имеет. В нем службе санэпиднадзора, а также пожарникам и другим ведомствам впору экскурсии устраивать. Только представители этих служб на почту в дом № 12 вряд ли заходят. У них есть дела важнее.

Молчи, грусть, молчи

Как часто слышим мы в эфире охи и ахи репортерской команды местной телекомпании по поводу неопишуемых красот центральных районов Стеклова, его фонтанов и скверов, его отремонтированных жилых кварталов! А если случается, что подгулявшая молодежь устраивает в каком-нибудь фонтане отделение химчистки, а около него несанкционированную закусную, тогда негодование журналистской братии просто нет предела. А знаете, господа журналисты, что хочется сказать вам в ответ на ваш ханжеский вой? Ответ очень прост: наша молодежь берет пример с тех, кого вы защищаете, то есть с руководителей города.

Будет ли молодой человек, который изо дня в день видит грязный подъезд родной многоэтажки, разбитую дорогу у дома, неубранную помойку под окнами, двор, заставленный автомобилями, уважать городскую власть? И достойна ли такая власть уважения? Ведь именно она, эта власть, придумала такой гениальный способ пополнения казны, как взимание платы за уборку придомовой территории, лифт и освещение с квадратного метра, а не с самого человека. И куда, в какую черную дыру уходят эти немалые деньги? Это ныне существующая в Стеклове власть превратила пятый микрорайон в одну сплошную помойку и автопарк под открытым небом, а еще нагло кичится своими «успехами» в деле освоения бюджетных средств. Где оно, обещанное городской администрацией благоустройство пятого микрорайона? На дне пруда, который начал зарастать прежде, чем его закончили чистить? Отвечать на эти вопросы наша администрация не будет. Кому же охота изобличать самого себя!»

Прочитав статью, Алексей Никодимович первым делом нецензурно выругался в адрес автора, некоей Корельской. К мерзкому пасквилю под красноречивым названием «В цейтноте» прилагалось несколько фотопейзажей с видами переполненной помойки, разбитых дорог и тротуаров, а также стаи голодных бродячих псов на детской площадке.

Алексей Никодимович давно привык, что «Патриотический вестник» с маниакальной настойчивостью копается в его исподнем. Но делалось это как-то вяло и нудно. С появлением фельетонов этой Корельской народ словно сошел с ума, – весь тираж расходился за считанные часы. Надо было что-то срочно предпринимать, но что? Если бы знать, кто такая эта Корельская. Да как узнаешь? «Ну да ладно, черт с ней, с ведьмой этой, – подумал мэр. – Потом я с этим разберусь. А сейчас самое важное – ветеран». Алексей Никодимович вздохнул и принялся набирать номер старика Царева.

Глава третья

Неожиданные новости

На окраине Стеклова, в уютном домике, крытом еще довоенной дранкой, жила с дочкой и стариками родителями Светлана Викторовна Куршакова, корректор районной газеты. Она любила возвращаться домой пешком, благо было не очень долго идти. Холодный ноябрьский вечер тихо опускался на город, уже припорошенный первыми снегопадами, но все равно было как-то неуютно, – то ли оттого, что погода еще не устоялась, то ли от сумасшедшего и какого-то глупого дня, проведенного в редакции. Все бы ничего, но Светлану Викторовну раздражала суэта сотрудников, бегавших к ней за советом, то и дело отрывая от правки и глухо раздражая очевидной грамматической тупостью.

С одной стороны наступал на нее Шитов. Принес ей изумительную абракадабру о деятельности инвесторов в Стеклове. Русские буквы в страхе убежали от автора, освободив место латинице и еще странным каким-то сочетаниям на европейских языках, среди которых на правах бедного родственника помещалась русская речь.

– А иностранцы, особенно англичане, так и шастают по Стеклову, так и шастают! – попробовала пошутить Светлана Викторовна, но Шитов ее не понял. Он переминался с ноги на ногу, шумно сопел и требовал внести минимум правки, упирая на то, что город захлестнули западные инвестиции.

Отбившись кое-как от англомана, Светлана Викторовна приступила к рукописи Сергея Ивановича, который компьютером не владел, писал замысловато, к тому же мелко и с множеством сносок. Он, наоборот, радел за исконность и чистоту родной речи, что больше раздражало, чем шитовские наскоки. Сергей Иванович полагал, что русский язык окружили недруги, из ненависти унавозившие его словесными отбросами. Светлана Викторовна пробовала иногда и с ним дискутировать, разясняя, что иностранные интервенции существовали в языке всегда и что они больше полезны, чем вредны. «Я не понимаю, Светлана Викторовна, – негодовал Сергей Иванович, – вы что же, полагаете, что наш язык выгребная яма? И куда это делись слова, которые были известны нашим предкам? Я слушаю новости и ничего не понимаю». – «Представьте себе, и я многого не понимаю, – отвечала обычно Светлана Викторовна. – Ну и что? Нельзя же запретить интернет. Зачем вы так волнуетесь? Да освоите хотя бы вордовские программы, ведь это несложно. Польза будет и вам, и мне». Сергей Иванович, понимая, на что его подбивают, убежал из кабинета.

Оба они – и Шитов, и Сергей Иванович – настолько гениально были одарены, каждый по-своему, что Светлана Викторовна перестала с ними спорить.

«И откуда только они взялись на мою голову, все эти академики словесности, пыльным мешком прибитые, – с раздражением думала она, вспоминая сегодняшний случай, когда Лариса Дмитриевна спросила у нее, можно ли работников клуба назвать клубниками. – Да называй ты их как хочешь, только отстань от меня!» Вслух она ответила, что такой вариант не характерен для русского словообразования, а для верности показала сомневающейся Ларисе Дмитриевне толковый словарь. Но та все же осталась при своем мнении. Светлана Викторовна, спровадив ее, облегченно выдохнула. Боже мой, и так каждый день!

С такими мыслями подходила она к своему старенькому дому под сенью кленов и тонких рябин, склонившихся под грузом красных гроздьев к самым окнам. Дома уже ждали ее, и начищенный до блеска чайник свистел на плите, и дочка тащила за лапу плюшевого мишку, выбежав в коридор, как только услышала звук открывающейся двери.

Перед ужином Светлана Викторовна выкинула из головы все ненужное и бессмысленное, все то, что окружало ее в редакции. Но одна новость заинтересовала ее, – готовится выпуск к

Дню освобождения города, и вроде бы Буденич уже подготовил очерк про ветерана, видевшего наступление советских дивизий и бегство немцев. «Интересно, где они его нашли?» – думала Светлана Викторовна. Столько лет не было сведений об оставшихся в живых ветеранах-стекловчанах, и вот на тебе! На днях она встретится с Ливановым, редактором «Патриотического вестника», и расскажет ему об этом. Светлана Викторовна отлично знала, что Буденич и Ливанов симпатизируют друг другу, хотя на людях этого не показывают. Они университетские товарищи, к тому же оба мэра недолюбливают. И в общем-то нечего им делить. Марк Ливанов после окончания университета приехал в Стеклово, поселился в деревенском доме на берегу местной сонной речушки и поначалу зажил размеренной жизнью сельского барина. Но жизнь, подобная постной каше, вскоре ему опостылела. Он с несколькими закадычными друзьями и при поддержке известного в Стеклове предпринимателя основал газету. Как-то Светлана Викторовна спросила его шутки ради:

– Марк, а почему такое совсем не оппозиционное название – «Патриотический вестник»? Марк не растерялся. Хитро прищутив глаза, ответил в тон ее вопросу:

– А это конспирация, дорогая моя. Почему вы выбрали такой псевдоним, я, между прочим, тоже давно хотел спросить вас.

Светлана Викторовна в ответ рассмеялась. Ну и хитрец этот Ливанов!

– У меня сестра живет в Карелии, вот я и остановилась на фамилии Корельская. А что, красиво звучит.

– Да, красиво звучит. К тому же вас в городе читают, уж поверьте мне. Как это вам удастся совмещать несовместимое? Днем вы в редакции, а вечером – подпольщик, прости господи.

Светлана Викторовна в ответ только плечами пожала. К славе оппозиционера она совсем не тянулась. Это было своего рода развлечением в ее совсем не наполненной авантюрами жизни.

Она улыбнулась, вспомнив этот давний разговор. Опять пошел снег, и на улице все окончательно стихло, даже лая собак не было слышно. Стеклово погружался в сон, и горожане, засыпая, думали, что наконец-то придут в город первые настоящие морозы и чистый снег, что слякоть больше не посмеет вернуться и воцарится везде красота, которую все ждали с нетерпением.

А утром в город действительно пришла настоящая зима. Торжественно чисто и бело стало вокруг. Взрослые, уставшие от ноябрьской распутицы и противного ветра, улыбались, а мальчишки с радостными воплями протаптывали в сугробах дорожки, предвкушая веселое катание.

В это утро Игорь Семенович поехал не на службу, а к Максиму Яковлевичу. У дома, в котором жил ветеран, Игоря Семеновича должны были ожидать Алексей Никодимович и видеооператор. Они договорились поехать вместе, в одной машине, чтобы по дороге не отстать друг от друга. Когда старик вышел из подъезда, Буденич с удивлением отметил, что тот вовсе не развалина, какой представлял он старика в мыслях. К ним подошел подтянутый седой человек со строгим лицом, одетый в теплую пуховую куртку. Сев в служебную «газель», в которой грелось начальство, Максим Яковлевич поздоровался со всеми за руку и хорошо поставленным голосом поинтересовался у мэра, не замело ли в районе дороги. Он хотел показать уважаемому руководству, в каких местах района шли наиболее ожесточенные бои. Выдержав паузу, еще добавил, что мальчишкой видел, в каком месте двое мужичков-колхозников по приказу немцев вырыли большую братскую могилу и похоронили в ней наших бойцов.

После слов старика в машине установилась тишина. Мэр смотрел на Максима Яковлевича круглыми глазами, осмысливая сказанное, а Буденич и оператор замерли, как будто они услышали гром небесный. Спустя минуту-другую заговорил Алексей Никодимович:

– Максим Яковлевич, дорогой, что же вы молчали все эти годы? Ведь лет-то сколько прошло! Ведь какое это событие, если подтвердится, вы понимаете?

Старик как-то грустно усмехнулся в ответ. Ему было что сказать этим людям, но для этого пришлось бы ему рассказать очень многое из своей жизни. А он всегда считал, что это лишнее, что его личные переживания не касаются никого, кроме него самого. Да и что они могут знать о войне, эти сытые, уверенные в себе и довольно молодые еще люди? Он думал, что ответить мэру, и ответ пришел по-житейски простой и понятный спрашивавшему.

– В войну немец деревню нашу пожег. Ничего не осталось, одни трубы печные торчали из земли, как кресты на погосте. Сначала хоронились мы в лесу, а как немца прогнали, вырыли землянки, в них и жили. Выкапывали в поле мерзлую картошку, еще ходили в лес и ставили силки. Почему, спросите, немцы решили наших похоронить? Потому что сами в нашей деревне жили, а заразы они боялись больше, чем партизан. Один офицерик все ходил, руки спиртом протирал, чтобы, значит, не подцепить чего-нибудь. Я тогда матери-покойнице сказал, в каком месте солдаты лежат. На этом месте мы сосенки посадили, чтобы колхоз могилку к своим огородам не прирезал, а то ведь такие случаи бывали, я знаю. Почему, спросите вы, я руководству ничего не доложил? А до того ли было после войны? Я в город поехал работать, а если бы остался, то с голодухи помер бы, как две моих сестренки. Ну, потом женился, двух девочек жена мне родила. Все шутила: это, мол, бог тебе дал взамен твоих сестер. А может, и так.

Максим Яковлевич замолчал. Он вспомнил, как в далеком послевоенном году он и сестра Лида ходили по ночам на колхозное поле за картошкой. За это, если бы заметили, всей семье дали бы большие сроки, а могли и просто убить. Но выбора у них никакого не было, – в любом случае в гроб. И вот в особенно голодную весну он тайком, хоронясь от всех, ушел из деревни, чтобы хоть как-то прокормиться в городе. Но в районном центре на работу его не брали. В кадрах объясняли, что много таких партизан к ним прибежало из деревень. Специальности ни у кого нет, жилья нет, так что катись ты, парень, туда, откуда пришел. И не морочь нам голову, а то в органы заявим. И пришлось ему, пареньку пятнадцати лет, завербоваться в далекий северный город на шахту. Там было нечеловечески тяжело жить, но дали ему место в общежитии и паек, так что он выжил, дождался полета Гагарина и вернулся в родные края.

Прошли годы, и Максим Яковлевич с семьей обосновался в Стеклове. Прошлое не забылось, но он старался не вспоминать голодные свои детство и юность. Семья, взросление дочерей подарили ему наконец душевное равновесие и заглушили боль утрат, отодвинули куда-то в самую глубину души все то, что чувствовало его детское сердце и что невозможно было забыть. Звонок Аллы Геннадьевны перевернул всего его. Он понял, что надо сделать то, о чем молчал все эти годы, – но не для себя, не для своей нынешней земной жизни, а для души, которая требовала этого с глухим постоянством и которую нельзя было заставить замолчать.

Неловкую тишину прервал вопрос Буденича. Он спросил старика:

– Максим Яковлевич, как я понимаю, захоронение находится в нашем районе? И еще – ведь прошло столько времени, это место могло измениться. Сами понимаете, что ничего постоянного нет. Вы помните какие-то особые приметы могилы?

– Конечно, помню, что вы! Ведь разве можно такое забыть? Я потом ночью на это место лапника притащил и камнями его придавил. Маленький был, а сообразил, что надо делать.

Алексей Никодимович, до этого находившийся в прострации, пробудился. «А я еще не хотел встречаться со стариком! Ну и дурак же я! Это событие выдвинет нас на первое место в области», – думал он. Волна восторга и решимости охватила его, и он с благодарностью, в этот момент искренней и совершенно не требовавшей ничего взамен, потянулся к старику и обнял его. Ничего подобного на людях Алексей Никодимович не делал никогда, и вся компания в машине притихла, осознав важность момента.

– Деревня, в которой вы жили, как называется, Максим Яковлевич? – спросил он старика.

– Усолье называлась деревенька наша. Красивая была деревня. На берегу озера стояла, а кругом сосновый бор. Было около сорока дворов, и хозяйства у всех были крепкие, настоящие крестьянские. Мы хорошо жили. Помню, на горе была деревянная церковь. Кажется, храм

Геorgia Победоносца. Когда батюшку в 37-м забрали, церковь сначала заколотили, а потом нашему председателю велели в ней зернохранилище устроить. Ну а после, как немцу пришлось удирать, он и ее пожег.

Алексей Никодимович задумался. Странно, ведь он знал все сельские поселения в районе, а про деревню с таким названием ничего не слышал. Может быть, и не в его районе она находится? Он почувствовал, как сильнее застучало его сердце, но взял себя в руки и продолжил разговор:

– Максим Яковлевич, а после вы бывали в деревне? Я к тому спрашиваю, что никакого Усолья сейчас в районе нет.

– Да быть-то был, ведь там родители и сестры на погосте лежат. Но ничего там не осталось. Мы до сорок седьмого года в землянках жили, колхоз лес рубить на избы не давал, да и некому было строить, всех мужиков война извела. А потом и вовсе это место колхоз забросил. Так что моя родина вроде как исчезла вовсе. Помню, мальчишкой я в лес с отцом ходил. Ягод, грибов, всякой живности было видимо-невидимо. Мужики – те, кто посмелее, – кабаньи лежки примечали, даже на лося ходили. Хорошо было до войны.

– Ну что же, поедem искать вашу деревню, Максим Яковлевич.

– Искать ее не придется, ничего тут сложного нет. Озеро, на котором она стояла, наши мужики Бобрами окрестили. Там бобровых хаток было много. А потом зверь ушел почему-то, не стал после фашиста жить.

«Бобры какие-то, – подумал Алексей Никодимович. – Выдумывает старик, не иначе. Откуда им взяться в нашем районе, бобрам этим? Я здесь уже много лет живу, о бобрах бы знал». Впрочем, Алексей Никодимович мог и ошибаться.

Конечно, он любил природу. Заводи на родной Кубани, особо шумные весной, он любил посещать с ружьем, устраиваясь иногда на ночлег в прибрежных зарослях. Охота влекла его больше всего на свете. Обосновавшись на севере, он понял, что и здесь она не хуже. Но были нюансы, связанные с его положением и не позволявшие широко афишировать эту страсть. К тому же лес, так любимый им, доставлял иногда волнения и неприятности. Лет пять назад к нему обратился директор районного лесничества с просьбой выделить трактор для опашки угодий, но мэр только отмахнулся от него, как от назойливой мухи. «У вас есть два трактора в хозяйстве, Олег Павлович! Вот ими и обходитесь. А у меня лишней техники нет», – заявил он бестолковому директору. И в самом деле, почему он должен за всех думать? Этот болван сидит на лесе, у него в руках, можно сказать, все рычаги власти, а он ходит к начальству и кланчит милостыню.

Мэр нахмурился, вспомнив этот неприятный разговор. Конечно, надо взять под особый контроль вопросы природопользования, а то не только бобры убегут из района, но еще кабаны и лоси. Тогда точно беда случится. Охоту на крупного зверя он уважал и знал ее особенности почти досконально. Конечно, жалко, что времени на это великолепное занятие у него практически не оставалось, и те редкие дни, когда выдавался случай охоты с друзьями, он вспоминал потом с особенным душевным подъемом.

Поговорив еще минут пять, решили отправляться в путь. Павел вывел «газель» на шоссе плавно и аккуратно, и они поехали по улицам Стеклова, в это утро чистым и опрятным, как будто сама природа желала этой поездки и приготовилась к ней заранее, накрыв скверы и площади белым пушистым покрывалом. Алексей Никодимович вглядывался в лица прохожих, смотрел на игры детей, на все, что происходило в городе, и понимал, как много нужно еще сделать, чтобы эта прекрасная жизнь продолжалась и дальше, чтобы не прерывалась связь поколений, чтобы судьбы людей не зависели от случая, а подчинялись только хорошей и разумной какой-то цели. Он осознал, что сама судьба преподнесла ему надежду, и ее он должен воплотить в жизнь наперекор всему.

Он особо не надеялся на поисковые таланты Максима Яковлевича, поэтому по дороге осторожно спрашивал его, на какие второстепенные грунтовки лучше сворачивать. Но район старик и сам знал хорошо, в чем мэр вскоре убедился. Размышлял он и о том, что искать могилу, если старик сразу не укажет место, будет сложно. Если затянется дело, то и поиски по весне ничего не дадут. Особых примет, скорее всего, уже нет, к тому же в районе уже бывали случаи подтопления берегов озер и речушек – из-за обильных паводков, нередких в этих краях. Вот это будет самым неприятным сюрпризом и может испортить все дело.

Вдруг Алексея Никодимовича словно током ударило. Старик сказал, что надо свернуть с шоссе на разбитую дорогу, ведущую к его лесному дому. Мэр расстегнул воротник, словно ему не хватало воздуха, и жестом приказал Павлу остановиться. Все в первое мгновение недоуменно уставились на него.

– Что с вами, Алексей Никодимович? Паша, да открой ты окно! Алексей Никодимович, держитесь! Сейчас скорую вызовем! – заорал побледневший Буденич, суетливыми движениями доставая сотовый из кармана.

Мэр привстал с сиденья, поглядел на взволнованного редактора и, немного успокоившись, ровным голосом сказал:

– Да прекратите вы голосить, Игорь Семенович! Со мною все нормально. Максим Яковлевич, вы уверены, что мы правильно едем?

Старик в ответ только затряс головой. Он подумал, что Алексей Никодимович вполне разделяет его чувства, оттого чуть и не упал в обморок. Но волноваться не было никаких причин. Сотни раз в детстве он ходил по этой дороге к ближайшему сельмагу, мог пройти по ней с завязанными глазами. Ну конечно, здесь, в километре от правления колхоза «Путь Ильича», и была его родная деревня, исчезнувшая, как выяснилось теперь, не только с истерзанной войной земли, но и из документов. Он весь сжался, одолеваемый тяжелыми мыслями о времени, которое не пощадило ничего – ни памяти людской, ни жизни, и только мысль о деле, которое он должен был исполнить, придала ему силы и не позволила сомневаться.

– Да здесь она была, Алексей Никодимович. Не сомневайтесь! Сейчас подъедем к озеру, а там, на левом берегу, синего цвета камень-валун у старых сосен. Его еще до войны наш председатель хотел выкопать и привезти к правлению. Мужики ему говорили: «Ты что, Иваныч, хочешь памятник себе соорудить, что ли?» Шутили, значит. Он вроде с придурью был, наш председатель. Война ему помешала, а то приволок бы валун.

В машине все рассмеялись. Оператор, чтобы разрядить обстановку, стал рассказывать о местных краеведах, которые в прошлое воскресенье устроили шабаш у старых развалин в торговых рядах.

– Что им нужно было там, Сережа? – спросил Алексей Никодимович.

– Да понимаете, один какой-то чокнутый их активист занимается археологическими раскопками в старом городе. Откопал он там ржавую железяку, вроде старинного амбарного замка. Полез в интернет и вычитал, что такие же по форме замки, датированные тринадцатым веком, находили при раскопках в Замоскворечье. Рассказал все своей шайке, а те шум подняли: выходит, что сейчас нужно пересматривать дату основания города. Вот так.

Анекдот пришелся кстати. Компания подъехала к озеру, ожидая, что скоро все удачно разрешится. Все, включая Максима Яковлевича, обсуждали предстоявшие важные дни для города, и только Буденич, что-то смутно подозревая, молча наблюдал за мэром. А Алексей Никодимович, взяв старика под руку, повел всех остальных по берегу вслед за собой.

Неожиданно погода испортилась. Солнце скрылось, разом стало серо вокруг, и вместо легкого крепкого снега посыпались на землю мокрые хлопья, скользившие под ногами. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – пробурчал недовольно Буденич, плетясь в конце процессии. Он видел, как Алексей Никодимович пару раз взглянул на свой дом, и сомнения только укрепились в его душе.

Уже битый час они обходили озеро, но Максим Яковлевич, вглядываясь в прибрежные сосны, только отрицательно покачивал головой в ответ на вопросы мэра. Все перепуталось в его голове. Вместо молодых деревьев он видел высоких исполинов, и все вокруг ему казалось огромным, как будто не здесь в детстве он бегал с ватагой мальчишек, собирая шишки для костра и лихо скатываясь с прибрежных холмов прямо в воду. Он совершенно сник. Добравшись до первого крупного валуна, он обнаружил, что тот весь оброс лишайником, так что не было никакой возможности узнать теперь, тот ли это был камень. Что же делать? Старик беспомощно озирался вокруг.

Оценив ситуацию, первым пришел ему на выручку Алексей Никодимович. Он положил руку на плечо старика, прижал его к себе, словно маленького испуганного ребенка, и так стояли они молча, не позволяя себе говорить о чем-то пустом и ненужном. В город они возвратились в полном молчании. Начальство занялось своими делами, думая с неудовольствием, что утро потрачено впустую.

Глава четвертая

Тайные встречи

Приехав в редакцию, Игорь Семенович уединился в своем кабинете, чтобы в относительной тишине подумать, кому бы доверить окончательную редакцию праздничной полосы о ветеранах. Думал он недолго: все его штатные журналисты отпадали, и он решил вызвать к себе Светлану Викторовну.

– Светлана Викторовна, у вас большой корректорский и редакторский опыт, отдаю вам должное. Вы ведь и статьи пишете, выручаете нас иногда. А что бы мы делали, если бы вы не отвечали на письма трудящихся? Да и в остальном, честно говоря, только на вас и могу положиться. Нужна ваша помощь в подготовке материалов к празднику. Вы знаете, о чем речь.

Светлана Викторовна усмехнулась про себя. Вот лис хитрый, нечего сказать! Как надо что-нибудь, так хвостом метет так, будто с ним родился.

– А в чем дело, Игорь Семенович? Ведь у вас одних праздничных поздравлений целая куча. А потом, у вас уже полгода лежит краеведческий материал военной тематики. Мало этого, что ли?

– Вот-вот, краеведческий материал, Светлана Викторовна! – подхватил тему Буденич. Перестроился на лету, не дав ей опомниться. – Но, скажу вам по секрету, этого мало. Дело ведь не в нехватке материала. Нам сейчас, как никогда прежде, нужен живой материал. Ветеранов в Стеклове осталось мало. Но они есть! Сегодня утром я и сам мэр встретились с одним ветераном, который располагал, как выяснилось, важными для всего нашего города сведениями. К сожалению, возраст и все пережитое помешали ему вспомнить место захоронения наших погибших героев, но ведь сам факт подвига остался! Вот о чем прошу я вас написать. Вы это сделаете прекрасно, я не сомневаюсь.

Светлана Викторовна слушала шефа с интересом. Безусловно, Буденич в этом вопросе прав. Читатель не проявит интереса к материалу, в котором не будет живых воспоминаний. Но один вопрос сразу возник у нее, и она, немного помявшись, спросила напрямую:

– Игорь Семенович, вы сказали, что мэр лично встретился с ветераном. Понимаю, что это была инициатива самого ветерана. Но почему Алексей Никодимович проявляет такой интерес к газетной публикации, пусть и не рядовой по значению?

– У нашего мэра, вы знаете, весьма четкая гражданская позиция в вопросах патриотического воспитания молодежи. Можем ли мы не поддержать его в данном случае? – ответил Буденич. Он не ожидал такой прыти от нее, сразу предположив, что ушлая Светлана Викторовна скрывала от него свою осведомленность. Да про задумки мэра откуда она знает? Он решил переубедить ее:

– Опять, опять вы, Светлана Викторовна, не так все поняли! Уверяю вас, что Алексей Никодимович не настолько глубоко влезает в редакционный процесс, чтобы еще и диктовать мне, о ком писать. Очерк о ветеране – моя личная инициатива.

Заканчивая разговор, он дал ей адрес и телефон Максима Яковлевича, не обязывая ее, впрочем, встречаться с ним лично.

Весь скучный день Светлана Викторовна обдумывала разговор с Буденичем. Все, что могло побудить редактора обратиться к ней, не давало ей ясного объяснения. Уже дома она решила позвонить Марку. Они решили встретиться в ближайшую субботу, позвав на встречу знакомых краеведов, которые могли пролить свет на эту несколько загадочную ситуацию.

В назначенный день и час Светлана Викторовна сидела в уютной гостиной загородного дома Марка. Хозяин рассказывал собравшимся о ближайших публикациях «Патриотического

вестника». Среди гостей она увидела незнакомое лицо и поинтересовалась, кто этот человек. Марк представил его:

– Уважаемые коллеги, наше скромное собрание сегодня посетил новый наш единомышленник, Виктор Петрович Сташин. До недавнего времени Виктор Петрович работал в администрации и хорошо знал нашего мэра. Я думаю, что Виктор Петрович примет самое активное участие в жизни нашего общества, тем более что он отлично знаком с методами работы Алексея Никодимовича.

Люди, сидевшие за старым обеденным столом, рассмеялись. Всем было понятно, о каких «методах» говорил Марк. Эта общая осведомленность покорила Виктора Петровича. Он-то думал, что в городе знают немного о войнах в администрации. Как оказалось, он заблуждался на этот счет.

Марк продолжал:

– Итак, сегодня мы обсудим вопросы, от решения которых зависит судьба нескольких памятников культурного наследия в городе. Первый в списке – дом изобретателя Усагина на улице Ленина, недалеко от городских бань Юма. Вы все знаете, что наши власти сотворили с ним. В нем поселились бомжи, которые чуть его не спалили. Там, помимо бродяг, собиралась еще местная шпана. Она устроила, не побоюсь этого сказать, форменное свинство. Унесли из дома все, что можно было унести, даже изразцовую печь разобрали. Милиция, простите, полиция, выкурила их оттуда по сигналу жителей, да толку от этого было мало. Они сняли с петель заколоченную дверь и устроили на втором этаже шабаш. Ну, а после вы знаете, что случилось. То, что не успела сделать шпана, сделала наша администрация. Несколько раз дом странным образом начинал гореть, причем случалось это всегда ночью. Жители из дома по соседству стали караулить поджигателей по ночам, но никого не поймали. Но, будьте уверены, власти доведут когда-нибудь начатое до конца.

– У меня вопрос к вам, Марк, – спросил Андрей Головин, молодой человек двадцати с небольшим лет, учившийся в столице в историко-архивном институте. – Знают ли наши пироманы вообще, кто жил в этом доме?

Марк улыбнулся.

– Ваш вопрос, Андрей, насколько я понимаю, носит риторический характер, и вы сами знаете ответ. Ничего наш мэр, прости господи, про этот дом и его прежних обитателей не знает. Первостепенная задача Алексея Никодимовича заключается в том, чтобы увековечить память о себе в фонтанах, которыми он утыкал весь город.

Всех развеселил ответ Марка. Виктор Петрович в волнении встал и заходил по комнате, и гости притихли, ожидая и от него какой-нибудь острой реплики. Он сел, глубоко вздохнул, окинув взглядом своих новых товарищей, и сказал то, о чем думал все время с момента своего увольнения:

– Знаете, друзья, я всегда считал себя неглупым человеком, несмотря на то что в жизни сделал немало обидных глупостей. Я ведь доверял Алексею Никодимовичу, работал на износ, иногда в ущерб собственному самолюбию. И что же в итоге? Он меня, заслуженного офицера, размазал, как мальчишку. Да, да, именно так! Кто виноват, что в его фонтаны люди плюют? Нашел крайнего. А ведь у меня благодарностей от командования больше, чем он лет прожил. Должна быть хоть какая-то справедливость на свете, не так ли?

Марк решил разрядить обстановку и пошутил:

– Виктор Петрович! Нет правды на земле, но нет ее и выше. Давайте думать не о том, как насолить мэру, а как исправить положение. Я думаю, что дом Усагина надо внести в наш охранный список. Этот список Андрей отправит в областное министерство, а там уже вопросом должна заняться Москва. Лично для меня историю этого дома открыл весьма известный в городе краевед, которого сейчас нет с нами. Наша задача сейчас, пока дом окончательно не

растасили, поставить в известность министерство культуры. А следующий наш адрес – Первомайская, дом двадцать шесть. Все в курсе?

В курсе были все, и Марк продолжил:

– В этом доме жильцы последнего этажа в скором времени рискуют упасть на голову соседям. Но это совсем не смешно! – возвысил он голос, увидев, что гости покатались со смеху. – Да, друзья, я могу рассказать тем, кто не в курсе, один анекдот, который сейчас ходит по городу. Дело в том, что всем нам известный местный деятель и по совместительству начальник управления культуры, госпожа Майская, недавно произвела в администрации настоящий фурор. Алексей Никодимович поручил ей составить список стекловчан – Героев Советского Союза, которые в разные годы жили в городе. Наша культурная предводительница, не забывая себе голову, сдула этот список в каком-то старом номере районной газеты. В списке оказалось шестнадцать фамилий. А фамилии Виктора Марцелова, легендарного летчика войны, в нем не оказалось. Вот так. Когда мэру принесли список, некий доброхот из администрации подсказал ему семнадцатую фамилию, при этом добавив от себя, что не стоило поручать такое важное, можно сказать, политическое дело этой непроходимой дуре. А список-то уже ушел в Москву! Как орал наш мэр на Майскую, слышали на всех трех этажах администрации. Алексей Никодимович орал, а Майская мямлила в ответ, что если бы она включила летчика в список, то пришлось бы делать капитальный ремонт в доме, где он жил перед войной. Представляете, она думала, что помогает администрации. Вот до какого маразма дошли наши власти. А дом, в котором жил наш прославленный герой, известен всем стекловчанам. Его адрес – улица Первомайская, дом двадцать шесть. Кстати, тогда, перед войной, в нем не было коммуналок. Каждой семье давали отдельную квартиру.

Но дело на этом не закончилось, уважаемые коллеги! Представьте себе, что жильцы злополучного дома, устав от того, что управляющая компания кормит их одними обещаниями, устроили недавно общее собрание. На повестке дня стоял вопрос: кто, в конце концов, возьмется за капитальный ремонт. Один многоуважаемый ветеран заявил, что в дни оккупации в доме квартировали офицеры Вермахта. Да, да, я проверил эту информацию, это действительно было так. Перед вторжением немцы произвели аэросъемку города и определили, какие дома пригодны для проживания. Их не бомбили. Так вот, ветеран предложил следующее: раз в войну немцы пользовались жильем, за квартиры не платили, то пусть теперь канцлер Германии поможет им с ремонтом в качестве компенсации. Каково, а? Жители сначала посмеялись, как водится, а затем проголосовали за эту инициативу единогласно. Теперь всерьез собираются писать письмо Меркель. Я хочу, коллеги, чтобы вы поняли: это и в самом деле может случиться. Но мы ведь не мелкие борзописцы, чтобы радоваться этому. Я не желаю такого позора. Будьте уверены, что найдутся в нашем Отечестве мастера пера, которые раздуют это дело до небес, лишь бы пропиариться. Мы должны срочно что-то предпринять.

В гостиной сначала воцарилась тишина, а затем гости наперебой стали предлагать свои варианты. Кричали кто как мог, но больше всех усердствовал Виктор Петрович, который в итоге всех перекричал. Он предложил устроить администрации бойкот.

Марк разочарованно смотрел на товарищей. Светлана Викторовна совершенно ошалела от гвалта в гостиной и вполголоса сказала ему:

– Знаете, так мы ничего решить не сможем. Когда ваши соратники успокоятся, дайте мне слово. Пора с этим базаром кончать.

– А что вы им можете предложить? Я уже и сам не рад, что рассказал эту историю. Тьфу ты, гнуснее ничего не придумаешь!

– Не переживайте, все образуется. Я уверена, что мы найдем способ, как повлиять на мэра. Все произойдет без ненужного кровопролития.

Марк удивленно посмотрел на нее. Все в этой женщине нравилось ему, но он за годы знакомства не сделал ни единой попытки сблизиться с ней. Он смотрел на нее и ловил себя на

мысли, что и она, может быть, думает точно так же. Он старался не допускать мужских мыслей о ней, но они приходили всегда, как только ему случалось видеть Светлану Викторовну.

Марк отвел взгляд и задумался. Ни положением, ни деньгами нельзя было прельстить эту женщину. Это знание еще больше разжигало его. Хорошо, что она ни о чем не догадывается, но одновременно это невыносимо больно, это так больно, что только осознание своей нравственной значимости в ее глазах могло успокоить мятеж в его голове. Все, чем он занимался сейчас, казалось ему мелким и ничтожным, не достойным его ума, его стремления сделать жизнь лучше, чище. Он гнал от себя эти мысли, но они приходили вновь и вновь, приходили и заявляли: нет, ты не такой, каким хочешь казаться, ты гораздо ниже!

А между тем собрание окончательно вышло из берегов. Каждый что-то предлагал, но ничего путного не было в итоге придумано, и Марк понял, что все придется решать ему одному. Чтобы закрыть вопрос, он предложил гостям выслушать его еще раз:

– Друзья, у меня на руках имеется один любопытный документ, который я хочу прочитать. Нет ли возражений?

– Нет, нет! – закричали все хором.

Марк, жестом призвав всех к тишине, начал выступление:

– Это коллективная жалоба жильцов нашего восстановленного дома, адресованная прокуратуре. Я прочту ее: «Уважаемый Олег Юрьевич! Мы, жильцы коммунальной четырехкомнатной квартиры по указанному адресу, просим Вас разобраться в ситуации с капитальным ремонтом. Мы, рядовые квартиросъемщики, долгие годы не можем добиться исполнения прямых служебных обязанностей от работников РЭУ-9 и соответствующих служб ООО «Жилсервис», которое является нашей управляющей компанией. Все наши обращения в указанные организации остаются без внимания. Мы не стали бы обращаться к Вам, если бы сложившаяся ситуация не переросла в критическую и не стала угрожать сохранности дома, а также жизни и здоровью проживающих в нем людей.

Капитальный ремонт в нашем доме, как утверждают работники РЭУ-9, уже проведен. Заявляем Вам со всей ответственностью, что это ложь. В нашей квартире капитального ремонта не было с момента заселения дома, а значит, около восьмидесяти лет! Водопроводная сеть изношена, сантехническое оборудование, вероятно, еще довоенное. Изношенные трубы и проржавевший стояк постоянно протекают, а РЭУ до этого никакого дела нет. Мы забыли, когда последний раз в нашей квартире была горячая вода. Вода еле-еле теплая. Почему же с нас взимают плату за нее?

Год назад ТВ «Поиск» объявило, что в доме будут демонтированы старые оконные рамы, прогнившие от времени и не подлежащие ремонту, а на их месте будут установлены стеклопакеты. Мы ждали обещанной замены, а теперь уже ничего не ждем. Мы поняли, что это был очередной обман. А между тем мы боимся открывать окна в комнатах, потому что рамы прогнили настолько, что от нажатия могут просто вывалиться наружу, и не дай бог кому-нибудь на голову. Со страхом ждем зимы, которая не за горами. Ведь если случится такая беда с гнилыми рамами, то мы просто перемерзнем все, а в квартире лопнут батареи. Что делать тогда?

Мы боимся пользоваться газовой плитой, поскольку ей уже больше пятидесяти лет, от старости она вся проржавела. Стены в кухне, коридоре и ванной комнате осыпаются от старости (это не бетонные плиты, а оштукатуренная обрешетка), на потолке трещины, пол на кухне от сырости проваливается. А мы не можем даже косметический ремонт сделать, потому что электропроводка в нашей квартире такая же старая, как весь дом, она по стенам висит гирляндами. В любой момент может произойти короткое замыкание, и кто будет виноват? Работники РЭУ-9 знают о ситуации, но мер никаких не предпринимают, – надеются, наверное, что все само собой как-нибудь рассосется, а они будут спокойно пить чай у себя в конторе. На все наши просьбы о помощи мы слышим от них одни лишь хамские замечания и даже угрозы в

свой адрес. Мы живем в постоянном страхе и все время гадаем, что произойдет в нашей квартире раньше – пожар или потоп?

В нашем доме появился очередной отремонтированный подвал, который сдается в аренду. На это деньги нашлись. Кровлю РЭУ заменило, но лучше бы оно этого не делало, – работой занимались гастарбайтеры, которые не удосужились сделать водосток, и теперь в дождь вода с крыши стекает не по желобам, а прямо по стенам. Вот такая «забота» о людях. Буквально в пяти метрах от нашего дома начато какое-то строительство, о котором нас, как людей третьего сорта, никто не поставил в известность. Обнесли стройку металлическим глухим забором (сделано это было за один день) и начали так стучать, что у нас дребезжат стекла и плита на кухне трясется. Что это за пиратский захват в центре города?

У нас есть все основания полагать, что деньги, выделенные руководству РЭУ-9 на капитальный ремонт в нашем доме, оно потратило неизвестно куда. А может быть, просто присвоило. Не можем этого утверждать с уверенностью, но полное бездействие РЭУ-9 в вопросе капитального ремонта невольно наталкивает на эти мысли. Мы просим Вас принять меры прокурорского реагирования по фактам, изложенным в нашем письме. Терпеть это издевательство дальше мы не намерены. Мы платим за капитальный и текущий ремонт каждый месяц, а ремонта никакого не видим». Ну вот, собственно, все. От себя лишь добавлю, что никакого толка жильцы так и не добились и пришли с этим заявлением ко мне в редакцию. Я полагаю, что зря они обратились к прокурору. Мне лично известно, что загородные дома прокурора Колуна и заместителя мэра расположены по соседству, а строила их, между прочим, одна фирма, которой оба этих деятеля задолжали деньги.

– А где построились наши руководители, не известно, Марк? – спросил Виктор Петрович.

– Почему не известно? В Тверской области, на Волге. Любят они великую русскую реку. Там лес, рыбалка, охота знатная.

– Вот куда утекли денежки на капитальный ремонт. Значит, наши бояре потихоньку строят себе запасной аэродром. Ловко! Чтобы, значит, в случае грандиозного шухера было куда смыться.

– На этот случай, уважаемый Виктор Петрович, у них давно уже все построено, и не среди наших берез. А это так, для души, – отдохнуть от патриотических чувств и расслабиться. И вообще, мне совершенно все равно, где они живут.

Марк посмотрел на Светлану Викторовну. Она улыбнулась, повела плечами и опустила глаза. Он вспомнил, что обещал ей выступление, и поспешил закончить пустые словопрения:

– Мы, друзья, долго можем обсуждать достоинства и недостатки нашего руководства. Мы еще не выслушали нашего уважаемого представителя прессы. Светлане Викторовне, я полагаю, есть что сказать.

Светлана Викторовна на мгновение задумалась, собираясь с мыслями, и начала говорить. Она говорила тихо и медленно, как будто каждое слово, произносимое ею, требовало внутреннего контроля:

– Знаете, коллеги, я вообще-то не хотела говорить, полагая, что мы придем к общему решению и без моих соображений. Но уж так получилось, что я располагаю информацией, которая поможет всем нам выйти из этой ситуации. Я посидела в городской библиотеке, в интернет залезла и кое-что выяснила. До сих пор было известно, что наш город героически сдерживал наступление немцев осенью сорок первого года. Это была официальная версия наших властей. Но не все так просто. По сути, на момент взятия города в нем не было боевых частей, способных хотя бы на час сдержать противника. Да, не удивляйтесь. Фронт растянулся на несколько километров, и в нем образовалась брешь, которая позволила противнику беспрепятственно войти в город. Накануне оккупации командир батальона, защищавшего подступы на юго-восточной окраине, пустил себе пулю в лоб. Он остался без бойцов, без поддержки артиллерии, и предпочел смерть от собственной руки, а не по приговору трибунала. Такое

было страшное время. Несколько офицеров расстреляли перед строем, обвинив их в оставлении боевых позиций. Они, якобы, в критический момент просто пьянствовали, позволив врагу прорвать оборону. Большой вопрос, существовала ли вообще эта оборона. По некоторым сведениям, у командования фронта на тот момент просто не было резервных боевых частей, которые смогли бы на некоторое время сдержать наступление немцев. Теперь сложно судить, насколько соответствует истине общеизвестная версия тех далеких событий. Известно только, что несколько дней перед оккупацией участок фронта вообще оставался без руководства. На протяжении двух месяцев город страшно бомбили, камня на камне не осталось, и обвинить тех расстрелянных офицеров в трусости, я полагаю, было выходом для командования, которое само не смогло вовремя организовать оборону. Все это я рассказала вам, чтобы вы поняли подоплеку сегодняшних событий. Может быть, пройдет еще сто или двести лет, прежде чем рассекретят все военные архивы и позволят вслух сказать правду. Может быть, существовали десятки безымянных героев, которые сложили голову за наш город и о которых мы не узнаем никогда. Нам, потомкам, вроде бы не в чем себя упрекнуть. Всегда легче кого-то осуждать или, наоборот, почитать и гордиться с высоты пройденных лет, с высоты истории, которая, в общем-то, не раскрыта перед нами.

Светлана Викторовна остановилась, чтобы перевести дух. Стояла такая тишина, что слышно было, как тикают ходики на стене. Убедившись, что ее речь благодарно воспринята, она продолжила:

– Вы знаете, что на протяжении нескольких лет глава нашего района, Алексей Никодимович, добивается присвоения Стеклову звания города воинской славы. В чем-то он прав. Если бы такое произошло, то ему лично достались бы лавры устроителя исторической справедливости. Но, к сожалению, все попытки нашего руководства воззвать к разуму потерпели поражение. Город не получит дополнительного финансирования, не будет никаких преференций, и вы теперь знаете, почему так будет. В России, я думаю, кроме двух несомненных бед, о которых сказал наш литературный классик, существует еще одна беда, которая постоянно говорит нам, что она мать родная для Отечества. Эта беда – самозванцы. Они говорят нам: не ходите за нами, мы не такие, как вы. И нам, друзья, ни к чему писать калязинские челобитные во власть, она не поможет нам. Недавно редактор поручил мне подготовить к публикации воспоминания одного стекловчанина, который жил в городе во время оккупации и, так уж получилось, совсем случайно стал свидетелем погребения наших павших воинов. К сожалению, эту могилу ветеран не смог найти. Вероятно, в этом месте захоронено много наших бойцов. Находили в нашем районе и другие захоронения, они сейчас известны, но есть одно «но» – все эти братские могилы относятся к периоду, последовавшему за оккупацией. Тогда, при освобождении, действительно много было случаев массового героизма. Вспомните хотя бы бой у села Воронино. Немцы установили на колокольне пулемет, а спуск с холма полили водой, так что он превратился в каток. Они открыли по нашим бойцам ураганный огонь, но это им не помогло, – к вечеру село было освобождено. Наши солдаты шли без страха в штыковой бой, вызывали огонь на себя, танкисты в открытом бою сминали немецкую артиллерию, горели в машинах. Город и окрестности были завалены трупами, и немцы бежали без оглядки, оставляя раненых и все награбленное. Картина отступления была жуткой. Если хотите знать мое мнение, то я считаю, что город, безусловно, заслуживает этого высокого воинского звания. Но не будет этого. Поэтому бесплодны все попытки обращения за помощью к нашей администрации. Поверьте мне, власть наша бежит быстро только тогда, когда видит приз в конце тоннеля.

– Светлана Викторовна, что же вы предлагаете нам сделать по существу вопроса? – спросил Виктор Петрович.

– Надо добиться установления на доме Марцелова мемориальной доски. Как только это произойдет, мэр уже не сможет игнорировать проблему капитального ремонта. Ну, а если и этого не произойдет, – Светлана Викторовна развела руками, – тогда только на Меркель и при-

дется полагаться. Нам нечего стыдиться, это ложный стыд. И забудьте о морали и принципах человеколюбия при общении с администрацией.

Гости разошлись к четырем часам, когда на улице уже стало темнеть. Марк знал, что добираться до города Светлане Викторовне придется на перекладных, на двух маршрутках, и предложил ей ехать на его машине. Она согласилась, и он с радостью завел свой старенький «форд». С осторожностью он пробирался по разбитой вдребезги грунтовке, кое-где в колдобинах присыпанной битым кирпичом, и сначала оба они молча смотрели на пейзажи за окном. Но виды заросших полей и брошенных ферм навевали тоску, и Марк, видевший, как молча грустила его спутница, спросил:

– Что у вас нового в редакции? Я недавно прочитал передовицу Шитова и чуть со смеха не помер. Он предложил горожанам пить пиво «Стекловское». Это, мол, отобразит патриотические настроения граждан.

– Да, точно! – оживилась Светлана Викторовна. – Какой-то шутник прислал нам письмо с критикой. Знаете, что написал? «Моя моча лучше», – пошутил. Мол, ваш корреспондент на почве импортозамещения совсем рехнулся. Честно говоря, я с ним согласна.

Они начали рассказывать друг другу анекдоты из городской жизни. Сумрак за окнами сгущался. За разговорами они не заметили, как подъехали к городской окраине. Марк с сожалением думал, что через десять минут он расстанется с женщиной, которая вот уже два года занимает все его мысли. С другой стороны, было невыносимо осознавать, что его придуманный мир может быть разрушен, что любая неосторожность может выдать его, и оттого ему становилось еще тяжелее, – хотя он ненавидел саму мысль о том, что его внутренняя жизнь теперь окончательно зависит от этой женщины. Как бесконечно глупа его судьба, как зависим он от собственных, может быть, неверных представлений о женской и мужской сущности, сколько еще страданий предстоит ему! Все это разом пронеслось в его голове, но усилием воли он не дал унынию поселиться в душе и решил думать о чем-нибудь приятном.

Они расстались у калитки. Марк решил не возвращаться в деревню и переночевать в городской квартире брата. Грусть и радость смешались в его сердце, и он понял, как будет страдать, но это совсем не пугало его. Скорее, он чувствовал, что все его страхи, все светлые и мрачные мысли вытеснили наконец из души пустоту, и он стал тем, кем должно было ему стать. И пусть теперь мир перевернется трижды, – все он примет без разлада в сердце, всему найдет объяснение!

Город окончательно окунулся во мглу. Марк ощутил, что он представляет Стеклов старым чудесным замком, как когда-то в далеком детстве, когда не была его невинная душа отягощена памятью, опытом и представлениями о мире. Это состояние длилось недолго, но оно дало ему такую душевную силу, какую он давно уже не испытывал. И он с облегчением почувствовал, что готов к завтрашнему дню, ко всем сложностям мира, не отрицая ничего в нем, не думая плохо о самом себе и о людях, которые окружали его.

Глава пятая

Родные судьбы

К Куршаковым в начале декабря приехал родственник из Москвы, которому мама Светлана Викторовны была несказанно рада. Это был ее двоюродный брат, Герман Тябликов, высокий импозантный мужчина, по-военному подтянутый и немногословный. Светлана Викторовна обожала своего дядю, и они расцеловались тепло и искренне.

– Что нового в Москве у вас, дядя Герман? Я сто лет в столице не была. Как мои троюродные братцы поживают? – стала она расспрашивать гостя.

За вечерним чаем Герман рассказал вначале о семейных делах, а затем перешел к делу, которое всю дорогу не давало ему покоя.

– Я, девочки мои дорогие, недавно по скайпу связался с нашими швейцарскими родственниками, – начал он свой рассказ. – Знаете ли, чем они меня огорошили? Около их дома в горах уже два года живут какие-то русские, а недавно мой племянник Гейнц, говорящий немного по-русски, познакомился с одним из них. Им оказался некто Игорь Лытарь, сын вашего мэра. Каково, а? Прямо-таки так тесен мир, что и представить невозможно. Ну, разговорились они. Игорь спросил Гейнца, откуда тот знает русский и как его семья очутилась в альпийских горах. А Гейнц, представьте себе, только со мной из всей нашей родни и общался. Это было девять лет назад, когда я по делам университета был в Женеве. Само собою, кое-что я тогда ему рассказал. Но очень немного, потому что сам толком ничего не знаю.

Так вот, молодой Лытарь выяснил, что Гейнц имеет дальних родственников в России. «А где они живут?» – поинтересовался, вскользь так, для поддержания беседы. Наш Гейнц, наморщив лоб, вспомнил название города. Тут Игорь ахнул. Действительно, ведь это уму непостижимо! Он искал уединенное шале в горах, а наткнулся на соседей родом из России, более того, – из его родного города! Бывают же чудеса на свете! Стал он немца нашего подробнее расспрашивать: кто в Стеклове живет из его родственников, какую они фамилию носят. А откуда Гейнцу про это знать, если он из всей родни только меня и видел? Пристал наш швейцарский родственник ко мне, как банный лист к одному, извините, месту, – захотел узнать историю семьи. Ну, ладно. У них так заведено, у швабов. Обязаны знать всю родню до седьмого колена. А если чего-то не знают, так из пастора, который метриками ведает, всю душу вытрясут. Мне известно, что только один человек среди нас знает историю Тябликовых. Это ты, Светлана, – обратился он к племяннице. – Не сможешь ли мне в этом вопросе?

Рассказ дяди Светлана Викторовна выслушала с необыкновенным интересом. Этот случай показался ей действительно выдающимся.

– Что же, я могу помочь тебе в этом деле. Но начать придется издалека.

– А я и не спешу, – пошутил в ответ дядя. – Между прочим, к вам на машине добраться труднее, чем в Швейцарию. Ленинградка разбита вдребезги, пробки несусветные, а перед Зеленоградом я стоял не меньше часа. Пока стоял, такого живописного мата наслушался, что в пору было записывать.

Все рассмеялись, а Светлана Викторовна, выйдя из комнаты, вернулась обратно с газетой в руках.

– Это наша районная газета, – пояснила она. – Год назад я написала статью о стекловском кирпичном заводе. Сейчас он в руинах, а когда-то, еще до революции, был известен в России. История этого завода – это, без всякого преувеличения, история нашей семьи. Мы из известной купеческой фамилии, между прочим. Вот, слушайте, – и она начала читать:

«По воспоминаниям стекловских старожилов А.М. Никитиной, Д.Л. Войцеховского и его жены, А.М. Боссерт, многие именитые купцы имели свои лавки в городе, в том числе и в

торговых рядах. Известны были в городе галантерейная лавка Щукиной, обувная лавка Грязнова, бакалейная лавка Боряхина и Маслова, булочная и колбасная Петра Евстигнеева, мясная лавка Горбунковых (имели они также лавки железных, скобяных и шорных изделий), мясная лавка Скокова. В торговых рядах славились магазины братьев Боразденных. Один из них держал галантерейный магазин, другой торговал металлическими изделиями: ведрами, сковородками, пилами, молотками, гвоздями, косами, серпами, топорами. Многим стекловчанам помнится булочная Якова Фадеевича Смирнова. Имел он также и пекарни, амбары, лабазы. В валяльной мастерской Грязнова многие горожане заказывали добротные валенки. Купец Сахаров содержал пивоваренный завод, который находился на нынешней Красноармейской. Купец Панкратов содержал магазин фруктовых вод, соков, варенья и другой снеди. Иван Малыгин, купец второй гильдии, имел лавку, в которой торговал церковной утварью: иконами, лампадами, лампадным маслом, свечами и прочим.

Наиболее преуспевающие купцы, имея средства, открывали фабрики и заводы, используя наемных рабочих. Так, Иван Михайлович Соколов, городской голова, с 1810 года являлся владельцем кожевенного завода, занимался выделкой кож. Другой купец, Максимов, владелец бойни и колбасного производства, имел лавку для продажи мясных изделий.

Купец А.М. Монахов основал кондитерскую фабрику, где наладил производство патоки и безалкогольных напитков. Кондитерская фабрика купца Монахова была расположена на Сестрорецкой, в доме № 11. Эти купцы состояли в московской купеческой гильдии и были поставщиками в Петербурге и Москве, а также обеспечивали своей продукцией всю Московскую губернию. Самыми известными и уважаемыми людьми в Стеклове были купцы, основавшие в городе довольно крупные по тому времени промышленные предприятия, продукция которых пользовалась большим неизменным спросом. Купец второй гильдии Василий Григорьевич Орлов и его сыновья Николай, Александр и Михаил стали основателями первого в Стеклове стекольного завода (ныне это завод «Химлаборприбор») и построили аптеку в центре города. Иван Максимович Титов (из крестьян) основал другой стекольный завод (ныне это завод «Медстекло»). Купец Аркадий Анисимович Тябликов на окраине города построил кирпичный завод и наладил производство кирпича и керамических изразцов, которыми многие стекловчане украшали интерьеры, камины и печи в своих домах. Таким образом, город Стеклово, благодаря в основном купечеству, стал не только торговым, но еще и промышленным городом.

Родственные связи купцов Кузнецовых, Орловых и Тябликовых

Случай свел автора этого очерка с дочерью основателя кирпичного завода Любовью Аркадьевной Крутилиной (урожденной Тябликовой), которая рассказала много интересного о своей родословной, близких родственниках, их судьбе. Семье Тябликовых принадлежал сохранившийся до наших дней дом на Ново-Ямской улице. Это двухэтажный добротный дом, построенный из тябликовского кирпича, в котором родились Люба Тябликова, ее братья Борис и Валентин и две младшие сестры. Мама Любы – Вера Андреевна – происходила из известной купеческой семьи Кузнецовых. Ее отец, богатый купец Андрей Кузнецов, занимался весьма доходным шорным производством, владел двумя крепкими домами, которые сразу же после революции были экспропрированы и отданы городской бедноте. Но бедноту из них скоро выгнали, потому что та сначала растащила все имущество, а потом, в холодную зиму, порубила мебель на дрова. В домах поселили какие-то комитеты, что спасло их от полного уничтожения.

Женой Андрея Кузнецова была красавица цыганка Софья. Вначале родные противились их свадьбе, но Андрей откупился, «отстегнув» им кругленькую сумму.

В семье Кузнецовых было четыре дочери и пять сыновей. Одна из дочерей, Вера Андреевна, вышла замуж за Аркадия Анисимовича Тябликова – основателя кирпичного завода.

Старшая дочь, Анна Андреевна, вышла за купца Николая Васильевича Орлова – владельца стекольного завода, но любви между ними не было, так как Н.В. Орлов любил ее сестру, Веру Андреевну, даже сватался к ней, но ему отказали, поскольку старшая сестра была не замужем. Ее и отдали за Орлова, который всю свою жизнь любил только Веру Андреевну и помогал ее семье в трудное время.

Сестры Анна и Вера дружили, окончили женскую гимназию, выгодно вышли замуж. Но тучи над их семьями сгущались: грянула революция 1917 года, а через десять лет, в 1927 году, семья Тябликовых была репрессирована. Аркадия Анисимовича арестовали и осудили (четыре месяца он находился в тюрьме на Тихой улице, где заболел раком). В это время его семью увезли на поселение в Сибирь, но доехала она только до Новосибирска – выручил зять, Н.В. Орлов.

Помощь Н.В. Орлова

В 1927 году Н.В. Орлов тоже пострадал, несмотря на то что являлся крупным специалистом в области стекловарения. После продажи стекольного завода он переехал в город Сходню Московской губернии, купил там небольшой стекольный заводик и дачу, на которой жил со своей семьей. Но завод в Сходне вскоре отобрали, и какое-то время он не работал. По программе НЭПа надо было пускать этот завод, и Н.В. Орлову предложили должность директора. Он, в свою очередь, поставил условие, что пустит завод (гуту), если вернут из Сибири семью Тябликовых.

В это время действовало постановление В.И. Ленина, защищавшее ученых от притеснений и обязывавшее все государственные органы оказывать содействие их семьям. У Н.В. Орлова к тому же была охранная грамота, подписанная Лениным. Позже охранная грамота сыграла положительную роль в судьбе его сына. Анатолий Николаевич Орлов в 50-е годы был заместителем министра стекольной промышленности РСФСР.

Так уж случилось, что благодаря ходатайству и смелости незаурядного человека, Н.В. Орлова, семью Тябликовых вернули в Стеклово из Сибири и освободили главу семейства. Н.В. Орлов сразу же отвез его в Москву на срочную операцию, но болезнь была запущена, и операция не помогла. Вскоре А.А. Тябликов умер. Похоронили его у Скорбященской церкви, где ранее были похоронены его родители.

Преданные слуги Тябликовых

После раскулачивания и репрессий семья Тябликовых лишилась всего: земли, жилья, имущества и другой собственности. Таких людей в Стеклово было немало. Их переселяли в отдаленные места России, везли, как скот, в телячьих вагонах. Перед одной такой отправкой людей собрали в железнодорожном саду и охраняли собаками до прихода специального эшелона. Никаких вещей с собой взять не разрешили. Вместе с Тябликовыми были их верные слуги: сестры тетя Груша (Аграфена Григорьевна) и баба Акулина.

Во время раскулачивания Аграфена сыграла большую роль в спасении части имущества хозяев. Она сумела спрятать шкатулку с драгоценностями и довезла ее до Сибири. Потом деньги, вырученные от продажи драгоценностей, пошли на то, чтобы после возвращения в Стеклово достроить небольшой деревянный домик (сруб уже стоял на Ново-Ямской), рядом с двухэтажным кирпичным домом, бывшим их владением. Он был уже заселен другими семьями. Домик для семьи Тябликовых достроили бывшие рабочие хозяина. В войну он сгорел.

Потомок стекловских купцов

Любовь Аркадьевна Крутилина (урожденная Тябликова), дочь основателя стекловского кирпичного завода Аркадия Анисимовича Тябликова и внучка купца Андрея Кузнецова, родилась в 1921 году в том самом двухэтажном кирпичном доме (это сейчас дом № 27) на Ново-Ямской. Строил этот дом ее отец. Там же родились все дети.

На долю Л.А. Тябликовой выпало немало жизненных невзгод и испытаний. Когда ее семью раскулачили, ей было всего 6 лет. В школу ее не сразу взяли, смотрели на нее, как на дочь «врага народа». И только благодаря тому, что четыре ее тетки были учительницами в разных школах Стеклова, Любу Тябликову взяли в школу на улице Ленина, где она сидела за одной партой с Лилей Прудкиной – сестрой Марка Прудкина. За резкий и неуживчивый характер Любу перевели в другую школу, расположенную на Крестьянской улице (позже в этом здании было ремесленное училище № 44). В старших классах Люба Тябликова, как и многие ее сверстники, увлеклась спортом.

В 1936–1938 годах она активно занималась спортом на стадионе «Азот» в Майданове (так назывался в середине 30-х годов будущий стадион «Химик»). Люба Тябликова была в числе спортсменов, которых отправили в Москву на парад физкультурников. В семейном архиве сохранилось несколько фотографий, на которых Люба в спортивной форме того времени среди своих подруг.

Десятый класс Люба так и не закончила, – началась война. До прихода немцев она по путевке комсомола работала во Фроловском на лесоповале. Потом – в городской типографии. В 1941 году директором типографии был Голованов, а снабженцем – Петр Обязуев, который выдал фашистам шрифт, спрятанный сотрудниками под плитами пола. Фашисты использовали этот шрифт для печатания своих листовок. Уже после войны Обязуева разоблачили и арестовали.

В послевоенные годы Л.А. Тябликова много работала: сначала на инкубаторной станции птицефабрики, потом поступила оператором на завод ЖБИ, где добросовестно трудилась до назначения пенсии. Последние три года по просьбе начальства работала на заводской свино-ферме, – там выращивали свиней на мясо для своих рабочих. В 1979 году Л.А. Тябликова ушла на пенсию.

Прожив трудную многострадальную жизнь, Любовь Аркадьевна мечтает о том, чтобы ее внучка Ирина и правнучка Екатерина были счастливы и не забывали своих корней».

Окончив чтение, Светлана Викторовна заулыбалась. Она вспомнила, как нелегко ей дался этот материал. Буденич настаивал, чтобы она «сгладила острые углы» и не акцентировала внимание на репрессиях. Но Светлана Викторовна уперлась и заявила редактору, что вообще ничего писать не будет, если он пропустит статью в обрезанном и причесанном виде. «Чего вы боитесь, Игорь Семенович? Вас что, тоже отправят в Сибирь, как моих родственников?» – спросила она. «Вам легко рассуждать, Светлана Викторовна! Вы же, в конце концов, не редактор и ответственность несете минимальную. А я ежечасно думаю, какая шлея под хвост попадет нашим властям. От них ведь чего угодно можно ждать. И так Лытарь на меня косо смотрит. Кто знает, какая у него родословная. Вот вы, Светлана Викторовна, знаете? Нет, не знаете. А я иногда думаю, что, судя по его методам, набрался он этого всего от своих родственников», – заявил Буденич откровенно, несколько уязвленный колкостью корректора.

Светлана Викторовна понимала его положение, но все же не могла взять в толк, чего или кого он так испугался. «Это же дела давно минувших дней, Игорь Семенович!» – опять атаковала она шефа. «Я вижу, что с вами спорить бесполезно. Вы решили, что я ретроград и унылая личность. Думайте что хотите, только оставьте меня в покое. Но я вас по-товарищески предупреждаю, Светлана Викторовна, – он многозначительно поднял указательный палец и

повертел им в воздухе, очерчивая круг, – будьте осторожны с этими деятелями». Разговор закончился тем, что Буденич махнул на нее рукой, но относительно статьи сказал, что с него взятки гладки, уж коли автор такой дерзкий. На том они и расстались тогда.

– Как вам, дядя, мой материал? Понимаю, у вас вопросы есть. Дело в том, что я осветила только довоенную историю Тябликовых. У Любы Тябликовой, как вы знаете, кроме двух сестер, одна из которых родила мою маму, был еще родной брат, который оказался в лагере для перемещенных лиц во Франции. Возвращаться в СССР он не стал, наслушавшись в американской зоне, как родина его может принять. Я думаю, что правильно сделал. Во Франции он женился на дочери швейцарского фермера и спустя некоторое время перебрался к своему тестю. Собственно, вот вся история. Никому из родных в Россию он писать не мог, сами понимаете, и только в 90-е годы его сын Адальберт разыскал нас. Он приехал в Россию, встретился с родной теткой, Любовью Аркадьевной, которая еще была жива, и оставил свой швейцарский адрес.

Дядя сидел в старом кресле под плетеным абажуром и в задумчивости разглядывал странные тени, которые свет из-под лампы причудливо разбросал по комнате. Почти все, что он услышал, было ново для него. Он по натуре не был фаталистом и в судьбу не верил, но рассказ племянницы взволновал его. Он решил сразу, как только приедет в Москву, издать нечто вроде семейной хроники. Утром он уехал, а Светлана Викторовна, заинтригованная, стала размышлять о семействе Лытарей.

Она знала, что у мэра есть два сына. Про младшего, Дениса, она ничего не знала, кроме того, что он учится в столичном университете и с отцом видится редко. Старший сын, Игорь, известен был в городе тем, что на первых порах во всем помогал отцу, был совладельцем папиного авторемонтного бизнеса, а затем куда-то исчез, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Вчерашнее общение с дядей принесло весьма неожиданные плоды, и Светлане Викторовне наконец-то стал понятен ответ на вопрос, который многих в городе волновал и который давно стал темой для разного рода городских кривотолков и сплетен. Одни говорили, что Игорь бросил отцовский бизнес и уехал в родные места, на Кубань, где стал вести собственное дело. Другие, слушая это, только смеялись, не веря никаким слухам о сыновней деловой самостоятельности. Да и Светлана Викторовна, откровенно говоря, этому не верила, потому что по опыту знала, как сильно даже неблизких людей могут связать деньги. А здесь речь шла об отце с сыном, к тому же все знали, что Игорь любит отца, с детства к нему привязан и шагу без него не сделает.

Ей давно уже было понятно, что деньги из района уходят в какую-то черную дыру. На городское начальство она смотрела насмешливо, презирая его в душе. Но и связываться с ним, записавшись в открытую оппозицию, как это сделал Марк, она не собиралась, думая про себя, что не стоят эти люди даже ее внимания, поскольку от природы глупы, завистливы и жадны, а эти качества в человеке она не выносила вовсе.

Теперь понятно ей стало, куда ушли деньги от продажи муниципальной недвижимости, а также земель в природоохранной зоне, которые перед самыми торгами администрация загадочным образом вывела из реестра. Ей лень было даже думать, что можно об этом писать, доказывая неизвестно кому, что это правда. Поэтому, посмеявшись про себя над конспираторскими талантами лытаревского семейства, она утром и забыла эту историю. Приготовила сама завтрак и позвала семью к столу, что редко делала. За утренним кофе дочка и родители смотрели на нее с любопытством.

– Что это ты такая веселая с утра? На тебя это не похоже, – протянула задумчиво мама, предположив, что дочка скинула с себя меланхолию, потому что наконец-то поговорила по душам с Марком и теперь у них, надо полагать, что-то намечается.

Светлана Викторовна в ответ сказала какую-то чепуху, рассмеялась и ушла на службу.

Она решила идти в редакцию не обычным своим маршрутом, а по старому деревянному мосту, связывавшему старую часть города с дачным поселком, в котором жила. Это было

совсем заброшенное место, и редко кто из горожан выбирал его для прогулки, но Светлана Викторовна именно поэтому и любила его. Здесь можно было собраться с мыслями, не ожидая, что кто-либо нарушит уединение. Здесь она часто вспоминала свою жизнь, все хорошее и плохое, что было в ней, и не без сожаления думала иногда, что поступила бы иначе в некоторых случаях, если бы судьба дала ей шанс исправить прожитое. Вот и сейчас она вспомнила одно жаркое московское лето, не ставшее каким-то особенным в ее жизни, но запомнившееся. И случай-то, произошедший в то лето, в общем, был самого анекдотического характера. Может, именно поэтому он и запомнился ей.

Дело было в конце июня. Они, пятеро человек, – две девушки и трое молодых людей – только что сдали сессию и с идиотскими улыбками, не веря своему счастью, строили планы на предстоящие каникулы. Заманчивые поездки на южные и северные курорты, а также на восток и запад от Москвы были с сожалением отвергнуты, поскольку денег ни у кого не было. И вот, по сложившейся уже традиции, как бы совершенно случайно вспомнив о подмосковной даче одного из них, Виктора, четверо друзей разом воскликнули:

– А как же наша чудесная дача! – и посмотрели безжалостно на несчастного ее владельца.

Виктор, человек практического склада ума, воспринял коллективный намек с библейской печалью. Он уже подсчитывал, во сколько ему обойдется веселый отдых четырех вечно голодных и невероятно беспардонных его однокашников. А они уже обсуждали, каким образом разместятся в его апартаментах и что нужно купить из продуктов и вещей. Через три дня после совещания они приехали в деревню под Можайском, где была дача Виктора. Деревенская тишина, запах свежескошенной травы и в особенности пейзажи Можайского озера каждый год будоражили их воображение. Все эти прелести обещали незабываемый отдых, и они, едва отдохнув с дороги и побросав вещи на террасу, пошли осматривать деревню и туземцев. Туземцев, впрочем, совсем не было видно: из-за оград и заборов на них поглядывали явно московские лица. В большинстве дворов, мимо которых они прошли, всюду кипела жизнь, – это субботняя электричка, привезшая их в чудесное Красное, доставила туда же орды городских родственников и владельцев дач. И вся эта орава приехала в деревню, которую они считали своей собственностью! Вот она, цивилизация.

Какой-то толстый очкастый мальчишка на велосипеде притормозил и прицелился в их сторону из водяного пистолета. Секунда – и струя воды гостеприимно освежила их, а толстый наглец с победным визгом исчез, свернув с дороги в проулок.

– М-да, отдых явно усложняется, – протянула Ольга, лучшая подруга Светланы Викторовны. Тогда, впрочем, никто ее Светланой Викторовной не называл, – для друзей она была просто Света.

– А ты здесь поселенок в сарафанах хотела увидеть, что ли? Тебя трехлетний опыт здешнего гостеприимства ничему не научил, – съязвила Света.

Ольга не обиделась. Она захотела непременно пойти в лес и посмотреть, есть ли там грибы, но друзья ее отговорили. Вместо леса они пошли в магазин, а оттуда домой. Виктор нес в карманах две бутылки «Старой Москвы». Уже почти ночью они закатали грандиозный ужин в летней кухне, с самодельными коктейлями и при свечах. Слава богу, что пирушка прошла там, иначе они непременно спалили бы дом. С непривычки к крепким напиткам они изрядно набрались. Сергею и Ольге пришлось в голову воспроизвести сцену из жизни греческих богов и титанов, а именно похищение священного огня Прометеем. Получилось великолепно, но лишь по счастливой случайности нетвердо стоявший на ногах Прометей не поджег занавески. Трезвей всех на Олимпе оказался, конечно, Виктор. Он самоотверженно бросился спасать свое имущество, вырвав из рук Прометея свечу.

Затем он выдворил из кухни всю олимпийскую компанию. Оказавшись во дворе, Света увидела, как туда-сюда заходил колодезный журавль. Совершенно не понимая, в чем тут дело, она решила, что журавль каким-то образом ожил и свихнулся. Вдруг журавль отделился от

колодца и направился к ней, а через мгновение она стояла вся мокрая и тряслась от холода. Рядом стоял Виктор с пустым ведром и гоготал с глупым восторгом. Вся компания пошла в дом спать, а утром домовладелец устроил им разнос, заявив, что не потерпит больше надругательства над своей недвижимостью.

– Никаких свечей, керосинок и плясок при луне! Вам тут не джунгли, а мой дом не бунгало! – гремел он в гневе, а они лишь таращились по сторонам, стараясь не встречаться с Виктором взглядом.

Он был прав. Неделю после случившегося они вели себя вполне благоразумно, если не считать нескольких незначительных эпизодов, позволявших предположить, что дикарство в них не изжито полностью. Так, несколько раз они совершали набеги на яблоневый сад пансионата, находившегося на берегу озера, и однажды за этим неблагоприятным занятием их застала медсестра этого заведения. С ловкостью кошек они слезли с обкраденных деревьев и дали деру, а вдогонку эта достойная женщина кричала, что товарища Сталина на них нет. Отбежав от сторонницы жесткой руки на безопасное расстояние, Сергей резонно заметил, что не стоит так нервничать из-за каких-то сморщенных плодов.

– Дай яблоки у вас дрянь, зеленые и кислые! – резюмировал он, и они, уже не теряя достоинства, перелезли через садовую ограду и пошли домой.

Несколько раз они доили чужих коз. Но девушки заметили, что эти животные, помимо редкой дурости, отличаются еще и вредностью. Они не подпускали к себе без взятки в виде пучка зелени или хлеба, а молока давали не больше кружки. Поэтому гоп-компания решила отказаться от криминальных доек.

Но последняя проделка Сергея была особенно дерзка: он состряпал объявление об открытии салона интимных услуг, с прейскурантом и часами работы, и повесил его на калитку соседского дома, в котором проживала одинокая старушка-божий одуванчик.

– Ну, знаешь, это уже свинство! – вскипел Виктор, когда Сергей радостно изложил за ужином подробности этого предприятия, – немедленно сними эту гадость, слышишь?

– Не сниму, – угрюмо ответил Сергей. – Вреднее этой бабки нет человека во всей деревне. Сплетница ужасная. На днях встречает меня и заботливо так спрашивает: «А что, милый, скоро ли Витины двоюродные сестренки домой уедут?» А я ей: «А почему, Вера Петровна, вы решили, что они Вите сестры?» – «Так ведь они себя по-сестрински ведут, не как подружки, вольнее: белье, я смотрю, и ваше, и их, попеременно сушится. Так разве между другом и подругами бывает?» Во, старая карга, и в белье нос сунула!

Светлана и Ольга, услышав про белье не по родственным канонам, вскипели от негодования. Непременно надо было проучить эту сплетницу. А Сергей еще подлил масла в огонь, сказав, что наверняка уже вся деревня считает их «Витиными сестрами». Но тут Виктор охладил общий гнев, обратившись к Сергею:

– А ты подумал о последствиях? Вера Петровна этого так не оставит. Еще нажалуется участковому, и тогда – прощай, Красное. А университет? Письма в деканат захотели, голубчики? Ну а вы, «кузины», что скажете?

Сказать им было нечего. Виктор, как всегда, был прав. Но справедливости ради надо было заметить, что их благородный друг, скорее всего, боялся не столько участкового и кар деканата, сколько своей родной бабушки Эмилии Павловны.

Все они знали, что Эмилия Павловна и Вера Петровна если не закадычные подруги, то приятельницы точно; уж конечно, Вера Петровна прекрасно знала, что никаких кузин у Виктора нет, просто посплетничать на чужой счет было ее второй натурой. Реальная же угроза состояла в том, что Вера Петровна, безусловно, догадается, чьих это рук дело, и тогда позвонит Эмилии Павловне в Москву и нажалуется, а это грозило всем выдворением с дачи.

Эмилия Павловна, настоящая владелица дачи и любимая бабушка Виктора, двадцать пять лет проработала в университете, где обучалась вся компания. Она имела степень доктора

наук, непререкаемый авторитет в кругу знакомых и весьма неуживчивый характер. Десять лет с тех пор, как она вышла на пенсию, прожиты были ею в соответствии с раз и навсегда установленным распорядком: зимой она жила в своей московской квартире и раз в две недели навещалась на дачу, чтобы присмотреть за домом и купить у своих приятельниц деревенского молока, яиц и прочего. В числе ее поставщиков состояла и Вера Петровна. Понятно, что ссориться с таким человеком, пусть даже и из-за горячо любимого внука, в планы Эмилии Павловны входить не могло.

На лето она, можно сказать, сдавала дачу в аренду внуку. В условия аренды входил уход за огородом и курами. Вручая внуку ключи от дома, Эмилия Павловна неизменно произносила: «И умоляю тебя, Витенька, – никаких эксцессов! Твои друзья, знаешь ли...» Она никогда не договаривала, что может такого знать о своих друзьях ее внук. Эта фраза повисала в воздухе. Видимо, старушка в глубине души подозревала, что, останься она на лето в деревне, неизбежное общение с однокашниками Виктора выведет ее из душевного равновесия.

Огород и куры – это была Витина синекура. Во всяком случае, так смотрела на это Эмилия Павловна. Со стороны можно было подумать, что Эмилия Павловна жертвует собственным отдыхом в угоду желаниям внука. Но Светлану ежедневный полив и прополка грядок, а также общение с глупыми птицами каждый раз убеждали в обратном. Кроме того, надо было носить воду из колодца и убирать в доме. За сезон им разрешалось съесть двух куриц. На овощи и клубнику ограничений не налагалось, но уж лучше бы, ей-богу, они были, поскольку старушка каждый год жаловалась Виктору, что с грядок осенью собирать нечего, – все, мол, до последней морковки съедали внуковы друзья. Это была обидная неправда, но компания по молодости лет на охи и ахи Витиной бабушки внимания не обращала.

– Вы, друзья, скоро превратитесь в настоящих каманчей, – продолжал распекать их Виктор. – У меня складывается впечатление, что еще неделя-другая такого отдыха, и мы начнем бегать по окрестностям с копьями в поисках диких кабанов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.